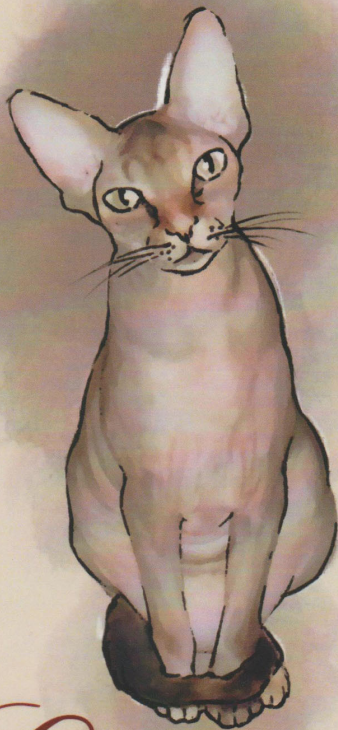

Ёнас Пакальнишкис

*Стихи
среднего
человека*

Ёнас Пакальнишкис

Стихи среднего человека

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41826228
Стихи среднего человека: ИП Бастракова Т. В.; 2019
ISBN 978-5-6041981-3-1*

Аннотация

Стихи непритязательны, ибо автор сочинял их для развития мозга, утомлённого решением кроссвордов. Но есть стихи, после сочинения которых автор восклицал: «Ай да Ёнас, ай да молодец!»

Содержание

Белая берёзка	11
Ах, вы дни окаянные	12
С нами бог...	13
Спит мёртвый человек	15
Увядала роза на могиле	17
Девушка и собака	18
В булонском лесе, на рассвете	19
Луна-свеча	21
Я видел лиловое море	22
За мной придут не белые...	24
И в любви красивой...	26
Ах, Маша, Маша...	28
Пострадай и ты	30
Как часто, глядя на себя в зеркала...	31
Прадедушкин роман	33
А я старенький уже	37
Розы венчальные, розы прощальные	38
Лозунг революции	40
Память помянет...	41
Осень	42
Зачем пронзило сердце болью	43
Казачи-разбойники	44
Пусть веселится молодость	46

Иван-чай	48
В сетях	50
Силы природы	51
Зачем вы розу мне дарили	52
Шип и роза	54
Море и ветер	55
Слова твои так ядом полны	57
Слёзы твои	59
Страшно весёлый парусный век	61
Дзинь-дзинь	63
Розы расцвели	65
Древние погосты	67
Жизнь не торопись...	68
Нестерову	69
Однажды это было	70
Есенину	72
Яблочко	74
Ахматовой	76
Вдвоём им было хорошо	77
Зари полоска золотая	78
Красен твой каприз	79
Ангелом стала	80
Горит-чадит моя свеча	82
А по утру по росе	84
Ты прощался со мной	86
Молчи душа, молчи	88

И дарит нам счастье	89
Лучик рассветный	90
Их убили на рассвете	91
За что мы выпьем, дорогая	92
Как мне одиноко...	94
Зима-зимулечка	96
Тобой пропитан навсегда	97
Любовный роман	99
И образ яркий	101
И сверкает у пирата...	103
Я отстрадал своё	104
И ваш взгляд на меня	106
Парус позабыт	108
Тот, – печально-дивный, – журавлиный клик	109
И снова врѣшь	111
Вас, только вас я люблю	112
Скоро ты уйдѣшь	114
И только тот, кто судит нас	116
Возможно бог меня накажет	118
И вот она красивая	119
Вы поздравили невесту	121
Море	123
Прошла пролетела наша любовь	124
Льдинка зла	125
Где же ты мой...	126
Я сам уйду – люби же ты	127

Была она легка, напевна...	129
Увы!	131
Мои родные дети	132
Я был влюблён и был любим	134
И теперь я мучаюсь	135
И кленовый лист...	136
Я гляжу на плоды рябины	138
Снова мыть коня	140
Я расту под дождиком...	142
Моя прекрасная Изольда	144
Смешинка	146
А зимой коровки...	148
Так по привычке...	150
И вновь со мной моя любовь	152
Родина ты малая...	154
Но как солнца лучик...	156
Они вас помнят молодой	158
Как смывает дождик осень...	159
Осень жалобно поплачет...	161
Зима уйдёт последнею сосулькой	163
Погода, ах... погода!	165
И вижу главное – люблю	166
Твой срок идёт...	168
И слёзы, слёзы, слёзы...	170
Понарошку мы стреляли	172
Вы уходили не прощаясь	174

То был не клик...	176
Стреляя – убиваешь	178
Мария с Мерседес пивка подносят...	180
Тревогу душит интерес...	182
И потекла земля слезой...	184
За что так зиму любят двое	186
Слезинки-горькие дождинки	188
Предал я тебя	190
Как сказать-признаться...	192
Если б вы знали...	194
Как жадно жду я наши встречи	196
Мой Иванчик, мой баранчик	198
Когда придёшь ко мне, родная	201
Романсы	203
Март, кошачьей лапкой...	205
Страдаешь, моя милая...	206
Я подала вам руку	207
Я ловлю родные звуки	208
Ах, детства – зорькина пора!	209
Заря, полоской фиолета...	211
Лопухинка	212
Ты вновь зовёшь...	215
Зима	217
Я ухожу от тебя	218
Фанфары любви	219
Так, кто же мы?	221

С именем Христовым...	222
И роза всегда у меня	224
И будет встреча...	225
Когда-то сад был полон жизни	226
Вы не свободны – горе мне	227
Дню поэзии...	229
Полёта дивное мгновенье	230
Весна нас мартом не коснулась	231
В моей душе надежда есть	232
Крестьянская страда	234
Мои молодые дни	235
Кепочка	236
Мечты полёт	238
Ах, калитка	239
Ах, какой коварный	241
Шубка	242
Я твоя, твоя синичка	243
В тот мир, что сразу нам готов	245
В жизни начало, начало конца	246
Любовь моя ещё жива	248
Пустозвонки – все девчонки...	250
А соловьи так мило пели	251
Но день придёт...	253
Цикады, цикады – вы всё же не арфы	254
Он просто предал меня	256
Ты целуешь, обнимаешь всё меня...	258

Смутное время России...	260
Жизнь, что и кровушка...	262
Смотрю на окна мокрые...	263
Ревность	265
Любить, страдать и просто жить	267
Я вас люблю, вас – грешники мои	269
Страсти-мордасти, что же ещё...	270
И сердце рвал...	272
Только мне не верится	274
Всё зло в богатых	276
Скелет в шкафу	278
С тобой хочу я целоваться	280
И здесь, в туманной дали...	282
С верою в бога...	284
Но будет время, я услышу...	286
Зелёные бананы Эквадора	288
И в улыбоньке сияли...	290
И вновь страдаю и ревную...	292
Счастья тебе...	294
Ты был, но нет тебя...	295
Спи спокойно	297
Берёзка	298
Ветер-проказник	299
На ком поставлен знак вопроса?	300
Уценил	302
Жизнь прошла?	303

Где же ты, счастье...	304
Астры	305
Только я помню	306
Всегда ты живой, молодой	307
Скоро буду твой	309
Ушла любовь	311
Сирены вы, сирены	313
И мы расставались...	315
Что же тут осталось...	317
Любил ли я?	318
Водка русская, родная	319
Я часто встречу вспоминаю...	320
Боль утраты	321
Но не долго и я оставалась одной	323
Две Надежды	324
Белый танец	326
Завтра будет трудно...	327
Не спеши расти	328
Как тебе живётся...	329
Шторм... боль	330
Птичья любовь	331
Ожидание	332
Я люблюсь той...	333
Конец ознакомительного фрагмента.	334

Ёнас Пакальнишкис

Стихи среднего человека

Белая берёзка

БЕЛАЯ БЕРЁЗКА,
КАМЫШИНКОЙ СТРОЙНОЙ,
В ПОЛЕ ОДИНОКО,
СТОЛБИКОМ СТОИТ.
СОЛНЦА ЛУЧ ЗЕРКАЛЬНЫЙ,
К НЕЙ С НЕБЕС СОРВЁТСЯ,
ОСЕНЬ ЖЕ БАГРЯНЦЕМ,
ЛИСТ ЕЙ ЗОЛОТИТ.
ЛУЧИК К НЕЙ ПРИЛЬНЁТСЯ,
СЛАВНО ТАК ПРИЖМЁТСЯ,
ЗОЛОТОЙ МОНЕТКОЙ,
ДАЛЬШЕ ПОБЕЖИТ.
А БЕРЁЗКЕ БЕЛОЙ,
ТОЛЬКО И ОСТАНЕТСЯ,
ЗЛАТОКУДРОЙ КРОНОЙ,
ПУТНИКУ УСТАЛОМУ,
МАЯЧКОМ СВЕТИТЬ.

Ах, вы дни окаянные

Ах, вы дни окаянные,
Смутные времена.
Скачет разъезд казачий
В зорьке светлого дня.

Вот спустился он в балку,
И затаился уж в ней.
То засада на красных,
Звёздно-чёрных чертей.

Им земли захотелось,
Их казачьей земли.
Царя-Бога убили,
Коммунисты-жиды.

Вот уже появился
Небольшой их отряд.
Казачи их на мушку,
Сняли залпом тех враз.

С нами бог...

С нами бог ревут солдаты.
С нами бог свой крест неся.
Зажигается снарядом,
Чья то жалкая изба.

Мусульмане, христиане,
Иудеи: – вера вся.
Топчут, жгут и убивают.
Чьи солдаты, вера чья?

Вот ребёнок вырастает,
Веру в бога принимает.
В бой идёт и убивает.
Веру чью, мою, твою?

Будут биться христиане.
Будут биться мусульмане.
Иудей и тут и там.
Полный будет кавардак.

С нами бог ревут солдаты.
С нами бог и в бой идут.
Бога, Дьявола солдаты,
Убивая душу жгут.

Спит мёртвый человек

Свеча горела в пальцах сжатых.
Но были пальцы холодны.
И лоб в повязке христианской.
И заострённые черты.

В гробу лежал, кого любили.
Кто долго жил, но всё ж отжил.
По ком рыдали и молились.
Кому цветы уж не нужны.

Он ко всему уж безучастный,
Ждал полной, полной тишины.
А шум стоял, стоял ужасный.
Оркестра плачь и плачь души.

Но вот закрыли крышку гроба.
Последний стук уж молотка.
И гроб в могилу опустили.
И снова шум, то шум земли.

И наконец здесь тишь глухая.
И только шум, но тишины.
В могиле на кровати гробной
Спит человек, но без души.

Увядала роза на могиле

Увядала роза на могиле,
На могильном холмике лежа.
Чья душа красавицу купила,
Чья рука на холмик принесла.

Ведь не место розе на могиле.
Ей не место у креста сиять.
Чья любовь тут розу положила,
Чья любовь тоскует здесь опять.

Розу тихо ветерок ласкает.
И целуя, любит он её.
Тихо, тихо роза умирает.
Отдавая ветру всю себя.

Увядает роза на могиле.
Умирает тихо, тайну унося.
Чья душа красавицу купила,
Чья любовь на холмик принесла.

Девушка и собака

Девушка в красном
И белый снег.
Чудный ангел спустился с небес.

Чёрная собака
Вслед за ней бежит.
Белый снег под лапами у неё искрит.

Чёрная собака
Под столом лежит.
Девушка в красном у окна стоит.

Чёрное и красное.
В казино игра.
Девушку с собакой позабыть пора.

В булонском лесе, на рассвете

Небрежно брошена перчатка,
Удар пощёчины глухой,
И голос злобно-суховатый,
Готовьтесь сударь, я ж готов.
Две пули встретятся в полёте,
В Булонском лесе, на рассвете,
Два человека враз умрут.
Так станет местом роковым,
Булонский лес для них двоих.
За что же дрались два корнета,
В Булонском лесе, на рассвете.
И почему в одну могилу,
Два трупа хладных тут кладут.

...

Их хоронили лишь друзья.
В Булонском лесе, на рассвете,
В душе скорбя над их могилой.
Когда земля тех поглотила.
Потом разъехались они,
И место смерти пусто стало.
Но часто, правда лишь одна,
К могиле юна дева приходила.
И горько плакала она,
И мало, мало так жила.

...

Когда же умерла она,
Её в могиле той же схоронили.
И дева тайну унесла,
Кого из двух она любила.

Луна-свеча

Ломаной монетой
Светит им луна.
Оплывает слёзами
Старая свеча.

Двое на диване,
Перед ними стол.
Расстаются молча,
Глядя на огонь.

Им обоим тяжело,
Тяжко – нету слов.
Понимают оба,
Кончился их сон.

А свеча им в помощь,
Раз мигнула – два.
И затем потухла,
Враз и навсегда.

Я видел лиловое море

Я видел лиловое море.
Оно покорило меня.
Но что-то тревожно мне было,
В волнах был отблеск огня.

Огонь исходил с глубины.
То были чьи-то глаза.
Могучие чёрные рыбы,
Смотрели со дна на меня.

Но что мне чёрные рыбы.
Их страшные злые глаза.
Я вижу глаза любимой,
Синей воды глаза.

Лиловое море могуче.
Пылинкой на нём мой корабль.
Он смело на грудь принимает,
Девятый лиловый вал.

Корабль мой лиловые волны,
Режет на две полосы.
Беру я лиловые ленты,
Вплетаю их в косы любви.

Как красят лиловые ленты,
Синей волны глаза.
Корабль мой в огне несётся,
К любимой, что ждёт моряка.

За мной придут не белые...

За мной придут не белые,
За мной придут не чёрные.
За мной придут лишь серые,
Но с ангельским лицом.

Судьбу решат не белые,
Судьбу решат не чёрные,
Судьбу решат не серые.
Судьбу решит лишь бог.

Решать он будет медленно,
Решать он будет вдумчиво,
Решать не торопясь.

Пред ним стоит не агнец.
Но ведь и не злодей.
Пред ним стоит лишь серенький,
И средний человек.
Такой бывает редко,
Но всё же убивает.
Такой бывает редко,
Но всё же предаёт.

Такой уж мило-серенький,

Наш средний человек.

Решать судьбу такого,
наверно посложнее.

И потому:

Решат судьбу не белые,
Решат судьбу не чёрные,
Решат судьбу не серые.
Решит Господь наш БОГ.

В Рай или Ад – навряд ли.
А между ними – Да.

И в любви красивой...

Полюбила птичка
Полевой цветок.
Целовала птичка
Каждый лепесток.
И цветок ту птичку
Также полюбил.
И росинку свежую
Каждый раз дарил.
И цвела на поле
Яркая любовь.
И любуясь ветер
Колыхал цветок.
Но настала осень
И пришла пора
Птичке улетать
В тёплые края.
Прилетела птичка
К милому цветку.
И отдал он птичке
Дождика слезу.

Птичка на прощание
Лепесток взяла.
И с частицей милого

В дальние края.

А цветок остался.

Тихо он увял.

И печальный ветер

Туч не разгонял.

Но ведь будет лето,

И придёт весна.

И в любви красивой

Зацветут поля.

Ах, Маша, Маша...

Сегодня снова я в печали.

Сегодня пасмурно в душе.
Я вспоминаю те мгновенья,
Что в жизни дороги так мне.

Я помню, помню край родимый.
Я помню милый дом родной.
Я помню устье речки узкой.
Я помню запах пескарей.

Я вспомнил первое томленье.
Я вспомнил первый знак любви.
Я вспомнил Машеньку Лаврову.
Её любил, о как любил.

Любил её я безответно.
Она не знала что люблю.
Каким тогда я был наивным.
Каким был чистым я в любви.

Нас жизнь по далям раскидала.
Других любили мы не раз.
Сегодня снова я в печали.
Ах, Маша, Маша помню вас.

Пострадай и ты

Что грустишь моя родная,

Что грустишь.

Что на сердце тебе пало,

Что молчишь.

Почему печально стылы,

Глазоньки твои.

Почему без рукоделья,

Рученьки твои.

Почему всё чаще, чаще,

В зеркальце глядишь.

Почему всё чаще, чаще

У окна стоишь.

Что ты хочешь там увидеть,

Ты скажи.

Почему так побледневши,

От окна летишь.

Знаю, знаю что с тобою,

Полюбила ты.

Все страдали мы когда-то,

Пострадай и ты.

Как часто, глядя на себя в зеркала...

Как часто стал думать я слишком о том,
Что жизнь потихоньку уходит.
Что с каждым прожитым мною деньком,
Мысль чаще о смерти приходит.

Как часто, глядя на себя в зеркала,
Могилу свою представляю.
Себя в деревянном красивом гробу,
Который землёй засыпают.

Как часто хочу, чтобы с лёгкой душой,
Родные меня проводили.
Но только не с нудным осенним дождём,
НЕ в зимнюю стылую стужу,
А солнечным тёплым ясным деньком,
Меня не спеша схоронили.

Как часто хочу, чтобы дома потом,
Не чокаясь рюмки подняли.
И сердцем своим за мой упокой,
Хорошее слово сказали.

Как часто хочу, чтоб в родительский день,

Со мной до пяти у могилы сидели.
И каплей вина после чаши до дна,
Могилку мою окропили.

Сегодня опять на себя я гляжу,
И вижу седею, седею.
И дальше с тоской на себя погляжу,
И вижу что телом старею.

Тогда вспоминаю, что часто хочу,
И враз становлюсь веселее.
И в зеркало смело с улыбкой смотрю,
И вижу, смеясь молодею.

Прадедушкин роман

Как давно всё было,
Глазго, порт, причал.
До сих пор на памяти
Прадедушкин роман.

Весь одетый в белом,
Русский капитан.
На руках шевроны
Золотом горят.

Молод, молод, молод,
Русский капитан.
Дерзок, дерзок, дерзок
Моряка тут взгляд.

Бал давали в Глазго,
Был там капитан.
Весь одетый в белом
С леди танцевал.

Леди Стар красавица,
В красном вся она.
Милая, прекрасная
Пара бело-красная на балу была.

Весел, весел, весел
Русский капитан.
Мягко, мягко, мягко
Молодости взгляд.

После бала леди
На корабль увёз.
И остаток ночи
Дивно был хорош.

Моряку не долго
Быть на берегу.
Уходить в просторы
Суждено ему.

В чёрном, чёрном, чёрном
Русский капитан.
До чего печален
Прожитого взгляд.

Время было смутное,
В мире шла война.
В порт, Романов на Мурмане,
Уходить пора.

Наконец подъехал
К борту лимузин.
И шофёр весь в чёрном

Дверцу отворил.

Леди Стар вся в красном

Вышла из него.

Капитан весь в чёрном

Ждал её давно.

– Извини, мой милый,

Фото от себя,

Долго, очень долго

Для тебя везла. —

Он взглянул на фото,

Там: – Люблю тебя.

Он своё ей фото,

Те же там слова.

Два прекрасных сердца.

Краткой встречи миг.

И солёным градом

Душат слёзы их.

Уж давно был в море

Русский капитан.

Лимузин же долго

Всё в порту стоял.

Много, много, времени

С той поры ушло.

Две войны минули,
Канули на дно.

Снова Глазго, Глазго.
Старый тот причал.
Снова в белом, белом
Русский капитан.

Молод, молод, молод
Русский капитан.
В Глазго он в музее
Леди повстречал.

На неё взглянул он.
Сразу же узнал.
Это же то фото,
Прадедушкин роман.

И она увидела
Прабабушкино фото.
И себе сказала:
– Ах, ты боже-боже.

В Мурманск порт уходит
Русский капитан.
В сердце он увозит
Прадедушкин роман.

А я старенький уже

Шея вянет, мягче мышцы,
Увядает жизнь во мне,
По утрам иль спозаранку,
Нету лёгкости уже.
Вот ворчу, ворчу сердито,
Раздражает всё меня,
Почему мне неохота,
Что-то делать как всегда.
Неохота топать в ванну,
Зубы чистить, мыть лицо...
Вот зовут, зовут на кухню,
Что-то кушать там ещё.
Лучше выпить рюмку водки,
И занюхать рукавом.

Я стою, смотрю на деда,
Затухает жизнь во мне,
Мне же только пять немного,
А я старенький кхе-кхе.

Розы венчальные, розы прощальные

Был молодым я штабс-капитаном,
Нежно любил баронессу жену.
В августе месяце жаркого лета,
Наша Россия вступила в войну.

Помнишь ты розы наши венчальные,
Помнишь прощанье в саду
Розы венчальные, розы прощальные,
Я уходил на войну.

Прежней России уж нет.
Смута гуляет в стране.
Еле нашёл баронессу
В жуткой гражданской войне.

И под «Прощание славянки»
На борт корабля мы идём.
Мешочек земли России
С собою у сердца несём.

Помнишь ты розы наши венчальные,
Помнишь наш танец в саду.
Розы венчальные, розы прощальные

Мы покидаем страну.

Здесь на чужбине далёкой,
Грустно любил я жену.
Розы венчальные, розы прощальные
Ей на могилу кладу.

Холмик печальный, холмик прощальный
Здесь баронесса жена.
Розы венчальные, розы прощальные
Здесь вся Россия моя.

Лозунг революции

Лозунг революции,
Краток он и ясен.
Дерзкой бесшабашностью
Веет от него.
Он зовёт к насилию,
Бунту беспощадному.
Всё по справедливости
Стоит поделить.
Руки так и тянутся
К ножичку сапожному.
Лозунг призывает,
Грабить, убивать.
Вождь лишь подтверждает
Лозунг свой кровавый.
Вождь в толпу бросает
Лозунги ещё.
Краткие и ясные,
Очень уж понятные
Ножички сапожные
Вынуты уже.

Память помянет...

Розовой стрелкой
На землю упало
Перо петуха.

Белесой простынкой
В стаю собрались
В верху облака.

Бабочка крылышком,
Нежным и тонким,
Кольшет цветок.

Алою капелькой
Манит клубничка,
Роса ей покрыла бочок.

Солнышко лучик
Пустила в росинку,
Рубином взыграл колобок.

Память помянет
Слезинкой картинку.
Ушедшее детство моё.

Осень

Багрянцем осыпает
Землю осень.
Дождём кропит
Поблекшее стекло.
А силу взяв,
Насмешливо ласкает
За лето загоревшее лицо.
Каштан сорвёт,
На землю бросит.
Затем его
Шутя расколет,
И напоследок наподдаст
Ядро каштана,
Просто так.
Шутя всё злее и сильнее,
На небо враз нагонит туч,
И от хулиганья всё хмелея,
У дамы вырвет зонтик с рук.
Зимой о осени грустя,
Вдруг вспомнишь то ядро каштана,
И улыбнёшься Ха-Ха-Ха,
Представив даму без зонта.

Зачем пронзило сердце болью

Начало осени совпало,
С погодой ясной золотой.
Душой и телом отдыхая,
Брожу по лесу я один.
Там белка хвостиком мелькнула,
Гриб красну шляпку показал,
Но дятел дробью барабанной
Мне гвоздик в сердце вдруг вогнал.
Зачем пронзило сердце болью,
Зачем померк тут ясный день.
А дело в том, что ты невестой
Стоишь сейчас передо мной.
Печалью лик твой затуманен,
Глаза не смотрят на меня.
И ты молчишь мой грех давнишний,
Прекрасный грех и боль моя.
Начало осени совпало
С погодой ясной, золотой.
Бреду из леса я устало,
Больной и телом и душой.

Казачи-разбойники

Это ведь удача,
Гриб в лесу найти.
Он же так играет.
Спрятался, ищи.

Казачи-разбойники,
Тут и там стоят.
Кто ещё не спрятался,
Я не виноват.

На опушке леса,
Радостный мой крик.
Там листом укрылся,
Толстый боровик.

А другой не прячется,
Наглый тут такой.
Красный и мордатый,
Мухомор лесной.

На полянке солнечной,
Целая семья.
Шляпки все в травинках,
Это свинуха.

Полную корзинку,
Я несу домой.
Казаки-разбойники,
Я приду ещё.

Пусть веселится молодость

Дубки молодые отдельно росли,
От леса родного, большого.
И ветер подолгу бывал среди них,
Качая стволы их литые.

Однажды задумался ветер о том,
А может быть просто подметил,
Тоскуют дубки о чём то порой,
Не мил им бывает и ветер.

Тогда затаился он тихо среди них,
Туманом белесым прикрылся,
И тайну узнал он дубков молодых,
Смеясь не спеша удалился.

Умчался он в лес их большой и родной,
И славно там порезвился.
И тёмной же ночью, всё также таясь,
К дубкам молодым возвратился.

А утром заря разбудила дубки,
И солнце им очи открыло.
И ахнули враз молодые стволы,
Весельем вокруг всё ожило.

Средь них как на картинке,
Две девицы-рябинки.
Осиночки-тростиночки,
Дрожащие в цвету.

Красавицы-черёмухи,
Стоящие в дали.
Их ягодки-брюнеточки,
Качаются в виду.

Зелёные косыночки,
Берёзоньки – блондиночки.
И ели-вековухи,
Совсем и не старухи.

А липы, липы, липы
В медвяном все цвету.
И пчёлки золотистые
Собирают с них пыльцу.

И ветер удалился,
Ворча себе в усы.
Пусть веселится молодость,
А я пока посплю.

Иван-чай

Иван-чай цветёт привольно
По дороге на восток.
На душе так беспокойно,
Вновь цветёт любви росток.

Ах, любовь, тропинкой узкой
Кровью бьёшь ты мне в висок.
Фиолетовым раскладом
Мой растёт любви цветок.

Как букетом полным жизни
Я цвету теперь во всю,
Только в жизни, столь прекрасной,
Без потерь не проживу.

Потерял любви тропинку,
Потерял и свой покой.
И нашёл себе грустинку,
Помнить, помнить не покой.

Иван-чай цветок неброский,
Милый мне цветок.
Фиолетовой дорожкой
Убегает на восток.

В сетях

Осенний день, уж день морозный,
И ивы глубже стал поклон,
Зачем ты сердце вдаль стремишься,
Зачем не ищешь свой покой.

Твоё ведь лето, лето грозовое,
Уже давно в прошедших снах,
А ты всё также томно бьёшься,
Но в чьих сетях, но в чьих сетях.

Возможно там уж всё спокойно.
И твой герой давно не твой,
И сердце бьётся там не больно,
Оно нашло себе покой.

В покое, верь, твоя отрада,
В покое ты найдёшь себя,
И пожалей себя родная,
И разорви все тенета.

Силы природы

Лето и осень мерились силой.
Осень вступала в права.
Мерились силой две силы природы.
Лес крайний в их битве всегда.

Сорванный ветром лист наземь упал.
Лес содрогнулся от грома.
Шумным потоком вода полилась.
Эх, разгулялась погода.

Ночь отошла, день неясный пришёл.
Битва закончилась в небе.
Лес в этой битве пока устоял.
Только раздет был немного.

Лето и осень мерились силой.
Осень вступала в права.
Только недолго ей наслаждаться.
Готова уж к битве зима.

Зачем вы розу мне дарили

Зачем Вы розу мне дарили.
Зачем руки коснулись Вы.
Вы этой розой разбудили
Мои сокрытые мечты.

Вы этой розою смутили,
Мою печаль и мой настрой,
Зачем Вы розой всколыхнули,
Любовь ушедшую в покой.

Ведь я душою отболела,
Поток страстей, поток и бед.
А Вы мне розою вернули,
Страдания прошедших лет.

Я не хочу болеть любовью.
Я не хочу страдать потом.
Верну Вам розу без сомненья.
Души не нужен вновь надлом.

Зачем Вы розу мне дарили,
Зачем руки коснулись Вы.
Вы этой розой разбудили,
Мои телесные мечты.

Шип и роза

Роза увяв лепестки потеряла.
Больше того умирала она.
С вздохом последним шип исторгнула,
В сердце того, кто любил лишь себя.
Розы умершей тот не заметил.
Если заметил, сильна ли беда.
Шип же вначале не больно занозил.
Боль от шипа, что укус комара.
Время же шло, шип тихонько всосался,
И растворился ядом любви.
Вспомнил он розу, розу смуглянку.
Вспомнил и, вновь полюбил.
Вспомнил как розу держал он руками,
Вспомнил как всю он её целовал.
Вспомнил он запах розы медвяный,
Вспомнил он всё и, мёртвым упал.
Тело его как и всех схоронили.
Розами холмик усыпан его.
Вместе, где сердце его находилось,
Выросла роза, что же ещё.

Море и ветер

С воем и визгом,
Стенаньем и плачем,
С уханьем ветра,
И стоном волны,
Море и ветер
В любовном угаре,
Море и ветер
В шторме любви.

Трепетно мощные
Ветра тут ласки.
Мягкость и нежность,
Отдача волны.
Море и ветер
В любовном угаре,
Море и ветер
Страстью полны.

Ветер в могучем,
Любовном экстазе,
Валом девятым
Море поднял.
Стоном удачи,
В последнем порыве,

Морю все силы отдал.

Море и ветер,
Две силы природы.

Море и ветер,
Утихли они.

Море и ветер,
Стихийные силы.

Море и ветер,
В штиле любви.

Слова твои так ядом полны

Не говори тяжёлые слова.
Они погубят наши судьбы.
Не говори, сомкни уста,
Не дли ты дольше наши муки.

Слова твои так ядом полны,
Что жалят крепче чем змея.
Пойми меня, пойми, умолкни,
Ведь есть слова и у меня.

Тогда мои слова с твоими,
В сто крат тебя со мной сожгут.
И будет трудно чашу склеить,
И легче будет разлюбить.

Судьба твоя с моей судьбою,
Всё ж начиналася с любви.
И вспомни, вспомни наши встречи,
Слова прекрасные свои.

Не говори тяжёлые слова.
Они печалят наши души.
Замкни, замкни свои уста,
И вспомни, вспомни наши встречи.

Слёзы твои

В долгой разлуке с тобой оказались.
В разных концах сейчас мы.
Игольчатой болью сердца коснулись
Вечер прощальный и ты.

Астры завяли,
свечи потухли,
бледен рассвет.
Слёзы твои меня обжигали,
И жаркий шёпот любви.

Не знали тогда мы с тобой дорогая,
Цусими проклятый пролив,
Где билась эскадра Российской державы,
И где победили не мы.

В долгом плену самурайском,
Я часто тот бой вспоминал.
Как гадко шипела взрываясь «шимоза»,
Как страшно кричал капитан.

Я крейсера видел разбитую рубку.
Горящий андреевский флаг.
И смерти ужасной оскала улыбку,

И ангела на небесах.

Астры завяли,
свечи потухли,
бледен рассвет.
Слёзы твои и сейчас обжигают,
В тающей ночи тоски.

Страшно весёлый парусный век

Мчался корвет за злодеем пиратом,
Но налетел ураган.
Мгла опустилась на мачты корвета,
Скрылся пират.

Белою чайкой парус сорвался,
Стонет корабль.
Совсем изблевался мичман красивый,
Хоть помирай.

Боцман в улыбке зубы ощерил,
Что с молодого тут взять.
Пушки по правому борту сорвало,
Валом девятым мачты сломало, тонет корабль.

Ветер утих, успокоилось море,
Снова пират.
Чьи на волнах качались обломки,
Чей это флаг.

Новый корвет
За пиратом погнался.
Бой начался,
Впереди абордаж.

В штиле спокойны трупы на реях.
Это урок пиратам на век.
Тем и запомнится,
Страшно весёлый парусный бег.

Дзинь-дзинь

Линялым светом
Зорьки тусклой
Вставал рассвет.

На глади речки
Ещё тихой
Блистал ответ.

Вдруг в тишине
Желе застывшей
Раздался звук.

Рыбак,
Над удочкой дремавший,
Тут встрепенулся весь.

Дзинь-дзинь,
Чуть слышный колокольчик
Давал сигнал.

Рука,
Лисою к удочке метнулась.
Дрожанье лески прекратилось.

Ещё звонок.
И в серебре
Удача бьётся на крючке.

Затем в ведре
И,
Тишина.

До нового,
Дзинь-дзинь,
Звонка.

Розы расцвели

Розы расцвели,
Источая запах.
И дурманной негой
Полнилась душа.
И влюбился сразу
В девушку прохожий.
В девушку, которая
Розы те несла.
Их несла любимому,
Милому, хорошему.
Ждал свою красивую
У Пушкина в Москве.
И прохожий видя,
Встречу двух влюблённых,
Только очень горько
Пожалел себя.
А потом он дальше
Шёл своей дорогой.
По дороге розу
Он себе купил.
И любуясь розой
Девушку он видел.
Девушку,
Которую любил.

Древние погосты

Древние погосты
Русских деревень,
Вы давно забыты,
К вам тропинок нет.
Только лишь старухи,
Древние как вы,
Смутно что-то помнят,
Как туда пройти.
И порой бывало,
Всё ж идут туда.
И придя на место
Ищут, где же я.
Древние погосты,
Русских деревень.
Вы давно забыты.
К вам тропинок нет.

Жизнь не торопясь...

Луна поблекла.
То встаёт рассвет,
Полоской фиолета,
Крася свет.
И соловей,
Всю ночь свистевший,
Рулады выдавать,
Всё ж притомился.
Петух,
Ему на смену поспешив,
Деревню разбудил.
Вот звук кнута
Крик петуха зашиб.
Послышалось мычанье.
И не спеша,
С дворов пошли коровы.
Дымки,
Над трубами всплыли.
Жизнь,
НЕ торопясь,
Крестьянина подняла.

Нестерову

Полёт мечты столь дерзновенный,
Ты воплотил в петлю.
Таран, оружием смертельным,
Стал для врага в бою.

Ты заложил в основу боя,
Отвагу русского бойца.
Когда разящим вдруг тараном,
Ты погубил врага.

Полёт в искусство превращая,
Ты восхищал толпу.
Полёт в искусство боя претворяя,
Ты искушал судьбу.

Пропеллер на твоей могиле,
Дань Лётчику-бойцу.
Потомки чтут твою могилу,
И МЁРТВУЮ ПЕТЛЮ.

Однажды это было

Однажды это было.
Сидел я у окна.
И вижу у подъезда
Вдруг собралась толпа.

Вот крышку гроба вынесли,
Затем уже и гроб.
И маршем похоронным
Встревожен мой покой.

Я выскочил на улицу.
И к гробу подошёл.
И с интересом долго
На мёртвого смотрел.

Чего смотрел не знаю.
Покойного не знал.
Но мне вдруг показалось,
Что я его узнал.

Его черты – моё лицо.
И мой костюм на нём.
Но он уже покойник,
А я ещё живой.

Но вот под звуки музыки
Его и увезли.
А я перекрестился,
Хоть атеистом был.

Все люди всё же смертны.
И смертен тоже я.
Но видно моя очередь,
Ещё не подошла.

Есенину

«Иволга» Есенина рыдала.
И рубином ткался «алый свет зари».
Им не нужен был поэт-крестьянин,
Соль и сын родной земли.

Был он по мальчишески чуть «пьяный».
Никогда и не был «молодым».
И походкой очень, очень старой,
Всё искал, искал он «чьи следы».

Палачи верёвкой задушили,
Песню лебединую его.
У народа силой же пытались,
Смыть его рязанские черты.

Он поэт России «глухариной».
«Тополёк» – крепыш своей земли.
Отлетел он «пухом тополиным».
И исчез как «с яблонь белый дым».

Но поэт народом не забытый,
В песнях на стихи свои живёт.
Золотой лучинкой тихо тлеет,
В памяти он «девок и парней».

Яблочко

Мочит дождь слезою неба
Блеклое стекло.
В конуре лежит собака,
Смотрит на окно.

Сад осенний, сад унылый,
Вскопанный давно.
Там под дождиком желтеет,
Яблочко одно.

Вот в окне мелькнули тени.
На крыльце,
Под накидкой серебристой,
Косточка в руке.

И в награду пёс довольный,
Тянет за собой.
И на яблочко он лает,
Забери его.

Мочит дождь слезою неба,
Блеклое стекло.
Летним солнышком играет
Яблочко в окне.

Ахматовой

Алой
струйкой
теплится заря.
Оплывает
слёзкой
старая свеча.
Поэтесса
милая,
с горькою судьбой,
Потеряла
мужа
длинною зимой.
И на смерть
нелепую
скорбные слова:
«Любит,
любит кровушку,
русская земля.»

Вдвоём им было хорошо

Обычный день был необычен.
Зимы был первый день.

Мела позёмка, ветер рыскал,
Скрипела старая качель.

Собака жалобно скуля,
Просилась в дом, ища тепла.

Домашний кот, клубком свернувшись,
Спал на батарее у окна.

Горела красная свеча.
Сидели двое – он, она.

Их чай, держал последнее тепло.
Вдвоём им было хорошо.

А за окном уж день кончался.
Зимы кончался первый день.

Зари полоска золотая

Зари полоска золотая,
Багрянцем осветила лес.
Осенний лес ещё дремавший,
Тут встрепенулся весь.
Осинка мелко задрожала,
Берёзка мило застонала,
И охнул дуб.
Когда луч солнца,
Еле тёплый,
По верху леса пробежался,
К нему котёнком приласкался,
Могучий лес.

Красен твой каприз

Белая берёза,
Свой багряный лист,
Наземь ты роняешь,
Красен твой каприз.
И хотя на улицы убежала ты,
Девницей останешься,
Чудной красоты.
Устилая землю,
Золотым ковром,
Всё же остаёшься
Дочерью лесов.
По весне ты плачешь,
Слёзы льёшь рекой.
По кому рыдаешь
Белый стволлик мой.

Ангелом стала

Девочка, девушка, женщина-мать.
Быстро по жизни годы летят.
Холмик-могилка, да крестик на ней.
Помянем родную, вина не жалей.

И вспомним былое, малюткой лежит,
И вот уже в школу она же бежит.
А школу закончив, невеста она,
И жизнь так прекрасна и хороша.

Заботы, заботы, жизни дни.
Муж на работу, детей накорми.
Вот и пришла усталость-страда,
Пора поглядеть на себя в зеркала.

Из зеркала смотрит женщина-мать.
В её волосах небесная прядь.
И смотрит, и смотрит она на себя,
И жалит морщинку иголка-слеза.

Девочка, девушка, женщина мать.
Вот и уходишь в небесную гладь.
Боже великий тебя охрани,
Ангелом стала и нас сохрани.

Горит-чадит моя свеча

Душа моя полна печали.
Грустит оплывшая свеча.
А за окном в снегу качели,
А за окном уже зима.

Водою полнятся глаза.
И струйкой катится слеза.
И вот глухой поток рыданий,
За ним тропа воспоминаний.

К бокалу тянется рука.
Глоток чуть терпкого вина.
К свече несу искру огня,
И зажигается свеча.

Что помешало нам тогда,
Понять друг-друга до конца.
Как больно ранили слова,
Что говорили мы со зла.

Горит-чадит моя свеча.
Горит-чадит моя душа.
Итог не сладок, – я один,
Но знаю я, – и ты одна.

А по утру по росе

В вечер летний,
В вечер тёплый,
За околицу иду.
Там встречаю
Свою милку
И до зорьки с ней брожу.

А по утру по росе,
Возвращаюсь
Я к себе.
И усталый,
Весь разбитый,
Засыпаю на спине.

Не давала опять милка,
Всю прижать
Её к себе.
Всё шутила, всё грозила
Обломать
Ручёнки мне.

Засыпаю,
Вижу сон,
Дедушку с ухмылкой.

Что, внучёнок, не даёт,
Будь хитрее
С милкой.

Просыпаюсь,
Весь в поту,
Долго я ворочаюсь.
Я на милке то женюсь,
Этим
И воспользуюсь.

Ты прощался со мной

В томной неге танцала,
Мы с тобой танцевали.
Мы прощались с собой,
Становились друзьями.
Время сказки ушло,
Время буден настало.
И сегодня с тобой,
В томной неге танцала,
Как с любимым своим,
Я последний разок танцевала.
Прижимаясь к тебе,
Мочку уха кусая,
Я душившие слёзы меня,
Внутрь себя загоняла.
Понимала же я,
Что не будет так вечно.
Но расстаться с тобой,
Всё же думала я,
Будет как-то полегче.
В томной неге танцала,
Ты в улыбке своей
С поволокой тумана,
Всё скрывал, всё скрывал
Ту печаль, ту печаль,

Что нас в танце связала.
В томной неге танцала,
Ты меня целовал.
Ты прощался со мной,
Уходил ты к другой.

Молчи душа, молчи

Ничто теперь покой не потревожит.
Душа спокойна – спит она.
А было время, время молодое,
Когда рвалась всё в высь она.
Порой бывает, как и прежде,
Рванётся в верх на краткий миг,
Но также, как и старый конь,
Устало перейдёт с галопа в рысь.
Моя душа полна печали.
Настало время подвести всему итог.
Ей оглянуться не мешает,
На то, что было, но уж нет.
А оглянуться страшно и бывает,
Ведь за душой остались и грехи.
Они занозой в памяти остались,
И страшным монстром лезут изнутри.
Тогда душа тоскует странной болью,
И сердце глухо бьёт последние часы.
И только силой, силой воли,
Ты загоняешь вглубь те старые грехи.
Молчи душа, молчи.

И дарит нам счастье

Бушует житейское море,
Цунами взрываясь подчас.
Как чайки с испугу сорвутся
Тончайшие нервы у нас.
Подводные камни всплывают
Словесным тараном из нас.
И больно по нам ударяет
Ребёнка испуганный глаз.
И тонут в бушующем шторме
Последние капли любви.
Как лодки на рифы наткнулись
Проклятых две наши судьбы.
Но шторм побушуя, утихнет.
Утихнут и страсти у нас.
И дарит нам счастье
УЛЫБКА РЕБЁНКА,
Надежды светящий маяк.

Лучик рассветный

Утренней зорькой
Лучик рассветный
Рыбкой скользнул в вышине.
Вот потихоньку
На землю спустился,
Вот побежал по росе.
Там, где бежал,
Этот лучик рассветный,
Там подымалась трава.
Капельки влаги
Тихонько исчезли,
Их забирала заря.
Лучик рассвета,
Хилый и бледный,
Рос на глазах.
Вот превратился
Он в столб многоцветный,
Радугой пал на поля.
Там покатался,
Там поигрался и...
Нет уж его.

Их убили на рассвете

За околицей деревни,
Под крутой горой,
Было место тайной встречи
Девушки одной.
Была девушка прекрасна,
Русской красотой,
И любил её безумно
Парень молодой.
Парень был не наш, не русский,
Был чеченец он,
Их семья прижилась как-то,
В деревеньке той.
Но война грозой началась,
Русских и чечен,
Потому и тайны были
Встречи под горой.
Жарки, страстны были встречи,
И полны слезы.
Их убили на рассвете,
ОБЕ СТОРОНЫ.

За что мы выпьем, дорогая

Бокал вина ты наливаешь,
С улыбкой смотришь на меня.
За что мы выпьем, дорогая?
Она в ответ: – лишь за любовь!

За тебя, за тебя, моя родная,
За тебя, за тебя, любовь моя.
За тебя, за тебя бокал осушая,
Пью за нашу с тобою любовь.

Опять вина мне подливаешь,
В твоих глазах любовь одна.
За что мы выпьем, дорогая?
Она в ответ: – лишь за любовь!

За тебя, за тебя, моя родная.
За тебя, за тебя, любовь моя.
За тебя, за тебя бокал осушая,
Пью за нашу с тобою любовь.

Зажгём свечу, моя родная.
Нас ни для кого на свете нет.
За что мы выпьем, дорогая?
Она в ответ: – лишь за любовь!

За тебя, за тебя, моя родная.
За тебя, за тебя, любовь моя.
За тебя, за тебя бокал осушая,
Пью за нашу с тобою любовь.

Как мне одиноко...

Было счастье, было.
Было, но ушло.
Как мне одиноко,
Я люблю ещё.

Много лет счастливо,
Жили мы с тобой.
Ты ушла к другому,
Как же я живой.

Всё ещё в квартире
Твой висит портрет.
Ты живёшь далёко,
Мне тут солнца нет.

Я пока не знаю,
Буду ль жить один.
Только сердцу больно,
По тебе болит.

Было счастье, было.
Было, но ушло.
Как мне одиноко,
Я люблю ещё.

Зима-зимулечка

Звёздной россыпью
Покрылися поля.
Всё белее и белее,
Становится заря.
То зима-зимулечка пришла,
В бриллиантовых одежках вся она.
Красногрудый снегирёк
Алой капелькой плывёт.
Знать подружка снегиря
Розой спелой расцвела.
А зимулечка-зима
Враз бывает и шальна.
Косьмы вьюгой распустья,
Разворчалась вся кряхтя.
Но голубушка-зима
Посмотри вокруг себя.
Красногрудьем всё цветёт,
Розой куст любви растёт.
И поверь красна-зима,
Праздник жизни удался.
Птицы красные в снегу,
Красят лишь твою красу.

Тобой пропитан навсегда

Душа моя полна печали.
Тобой пропитан навсегда.
Смотрю на даль потухшими глазами,
И помню, помню всю тебя.

Зачем оставила в страдании.
Зачем покинула меня.
Зачем оставила награду,
Лишь только помнить всю тебя.

Судьба тебя мне подарила.
Судьба тебя и забрала.
Судьба в сторонку отступила,
Оставив жизнь мне без тебя.

Одно осталось в утешенье,
Что смертный час придёт и мой.
Тогда в той жизни запредельной,
Я буду каждый день с тобой.

А в жизни той, что тут осталось,
Мне никогда не позабыть:
Твой смех любимый серебристый,
Отсвет улыбки золотистый и всю тебя, печаль моя.

Любовный роман

Сумерки пали на землю внезапно.
Тихо скончался декабрь.
В Новом Году мы с тобой повстречались.
Длится и длится любовный роман.

Помнишь бокалов звон новогодний.
Брызги шампанского ты пролила.
Помнишь как солью сыпал на пятна.
Как пробежала искра.

В танце волнуясь шептал я на ухо.
Будем встречаться – ответила – Да.
Долго в подъезде потом целовались.
Как не хотел отпустить я тебя.

Жизнь нас столкнула довольно уж поздно.
В том и беда.
Сколько счастливых дней потеряли.
Плачет свеча.

Сумерки пали на землю внезапно.
Тихо уйдёт и январь.
Светит полоской февраль предрассветный.
Длится и длится любовный роман.

И образ яркий

Мечты, мечты-воспоминанье.
И образ яркий вдруг встаёт.
И я лениво и вальяжно
С ним начинаю разговор.
Зачем пришла, зачем тревожишь.
Ведь я забыл тебя давно.
Ты уходила не прощаясь,
Вина была ведь за тобой.
– Вина моя твоя забота.
Ты подтолкнул к вине меня.
Ты вспомни, вспомни как любила,
Какою нежною была.
Какой наивностью дышала,
Ты взял меня, была твоя.
Когда с тобой мы поженились
Ты позабыл любви слова.
Ты стал как барин тут ленивым,
Рабой твоею стала я.
Тебя любила и холила,
И воду с ног твоих пила.
И не давала я пылинке
Садиться милый на тебя.
Ты принимал как должное всё это.
Ты невнимателен здесь стал.

Порой ты даже день рождение
Моё-моё ты забывал.

И потихоньку равнодушьем
Мою любовь к себе убил.

И вспомни, вспомни что ребёнка
Родить ты мне не разрешил.

И я ушла и не судима,
Пред богом лишь моя вина.

А ты лежи, лежи мой милый

И вспоминай мои слова. —

Мечты, мечты-воспоминанье.

И боль утраты роковой.

И образ яркий столь любимый,

Как призрак медленно ушёл.

И сверкает у пирата...

Красотою море блещет.
Изумрудом солнца луч.
И пиратский клипер рыщет.
В полный парус он одет.

Вот «купца» он тут заметил.
Сразу чёрный взмылся флаг.
А на нём с ухмылкой дерзкой
Белый череп весь в костях.

Но «купца» догнать не просто.
И погони полный ход.
Ближе, ближе всё добыча
И жестокий абордаж.

Красотою море блещет.
Изумрудом солнца луч.
И сверкает у пирата
Кровью пачканый рубин.

Я отстрадал своё

Твои осенние глаза
Полны печали.
Ты настрадалась от меня,
Страдал тобой и я.

Но всё прошло у нас с тобой.
Как ледоход весной.
Но ты страдаешь всё равно.
Я ж отстрадал своё.

Твои глаза мой тяжкий крест.
Прости меня.
В моих глазах весенний свет.
Пойми меня.

Что было-было, то ушло.
Прости меня.
Сегодня розы у меня.
Пойми меня.

Ах, розы-розы, дивно хороши.
Прости меня.
То розы для моей любви.
Пойми меня.

Любви цветы – прекрасны вы.
Я отстрадал своё.
Ах, розы милые мои.
Страданья впереди.

И ваш взгляд на меня

Мимо шли и ваш взгляд
Вдруг упал на меня.
Вы замедлили шаг,
Но затем всё ж ушли.
И ваш взгляд на меня,
Для меня навсегда.

Годы шли, но ваш взгляд
Всё тревожит меня.
Я одна и всё жду,
Этот взгляд для себя.

И однажды опять
Шли вы мимо меня.
Но ваш взгляд в этот раз
Не коснулся меня.
Вы смотрели на ту,
Что женой вам была.
Улыбались вы ей,
Только ей, только ей.

Время быстро бежит,
Но ваш взгляд всё тревожит меня.
Я одна и всё жду,

Этот взгляд для себя.

Сколько б лет не прошло,
Но ваш взгляд на меня,
ОН всегда навсегда.
Буду вас я любить,
Только вас, только вас,
И... ваш взгляд.

Парус позабыт

Лунная дорожка
На пруду лежит.
Лодочка под парусом
В серебре бежит.

Двое в этой лодочке,
Счастливы они.
Соловей трельчает,
Где-то там вдали.

Шёлковые губы
Во одно слились.
Пальцы тонкоствольные
Тесно заплелись.

Кровь кипит могуче.
Парус позабыт.
Тихо опустился.
Лодочка стоит.

Тот, – печально-дивный, – журавлиный клик

Журавли поля тоской накроют.
Боль любви на сердце вдруг падёт.
И тропинкой, так давно заросшей,
Ты придёшь нежданная любовь.

Дверь ко мне ты в комнату откроешь,
И смущённо-радостный войдёшь.
И в ладонь мне медленно сольётся,
Лучик глаз – родимый, золотой.

И огонь свечи зажгётся сразу.
Капля воска струйкой изойдёт.
Запотелым бок бокала станет.
И рубином засверкает стол.

Ты бокал к губам своим подносишь,
Но пригубить только не спешишь.
Губы твои с жаром что-то шепчут,
Слов пожар любви от них летит.

Нам бокал вина с тобой не нужен.
Нам нужна одна лишь только ночь.
И любовной музыкой нам будет,

Тот, – печально-дивный, – журавлиный клик.

И снова врѣшь

Зачем во снах ко мне приходишь.
Зачем опять меня тревожишь.
Зачем слова любви несѣшь.
Ведь снова врѣшь.
Ты снова врѣшь.

Как в прошлой жизни много лгал.
Как в прошлой жизни изменял.
А я,
Покорная жена,
Тебя прощала – всё любя.

В конце-концов ты всё ж ушёл.
Развод по хитрому провёл.
Ты мною, мною пренебрѣг,
Зачем так сделал,
Как ты мог?

С детьми живу теперь одна.
Душа болит вся у меня.
Старею я, старею я, растёт и ненависть моя.
К тебе мой милый, дорогой,
К тебе, проклятый и... родной.

Вас, только вас я люблю

Всё что сказать Вам,
Я и сказала.
Ну, а теперь лишь ответа я жду.
Вы не тяните с ответом,
Пожалуйста,
ВАС, только ВАС я люблю.

Ну, не томите!
Ответьте быстрее-же!
Что же Вы тянете!
Я же умру!

Если не любите,
Так и скажите.
Ну, а что делать?
Потом соображу.

Что- же Вы тянете,
Тянете-тянете!
Сердце, Вы,
Рвёте моё.

Вот Вы нахмурились,
Вот улыбнулись,

Что же, ВЫ!

Ну?

Вы повернулись,

Вы оглянулись.

Ищите, что?

Вот и увидели,

Руку Вы взяли мою.

К сердцу прижали

И что-то сказали,

Что-то сказали?

Никак не пойму?

– Вас я любил и любить Вас я буду.

Только ведь жизнь не проста.

Вас я любил и любить Вас я буду,

Но от детей я уйти не смогу. —

Вот и ответа дождалась любимого.

Что мне тут делать пока не пойму.

Только я знаю, им я любима.

С этим пока и живу.

Скоро ты уйдёшь

Время, время, время
Быстро ты бежишь.
И пушок младенца
Сединой блестит.

Календарь как счётчик,
Дней твоих висит.
И слеза по старости
Всё быстрее бежит.

И порой не хочется,
То, что так хотелось.
И уже ты терпишь,
То, что разболелось.

Равнодушно смотришь
На сутолоку дня.
И ворчишь не глядя,
Кто вокруг тебя.

Засыпаешь трудно.
Трудно и встаёшь.
Понимаешь прямо,
Скоро ты уйдёшь.

И только тот, кто судит нас

Душа из человека вылетает,
Когда за ним приходит смерть.

В начале медленно кружится.
В том месте, где его постель.

Постелью может поле брани.
Постелью может дом родной.

А в целом разные бывают.
Ведь мир земной такой большой.

Душа не сразу улетает,
В то место, где идёт отбор.

Где судят строго, не предвзято,
Где каждому идёт разбор.

Там места нет – двойным стандартам.
Там перед законом божьим все равны.

И там тебе укажут ясно,
В ад или рай тебе уйти.

А тело, – человека без души. —
Со временем исчезнет в прах.

И только тот, кто судит нас,
Навечно будет помнить **ЧЕЛОВЕКА!**

Возможно бог меня накажет

Печаль в глазах твоих застыла.
Укор немой, он для меня.
Но ты прости меня, родная,
Я отлюбил, такой уж я.

Я вижу, милая, страдаешь.
Поверь ты мне, страдаю я.
Хочу я верить, что отпустишь.
Я отлюбил, такой уж я.

Ты однолюбка. Я же ветрен.
Качели в верх, качели вниз.
Любя меня, ты ненавидишь.
Я отлюбил, такой уж я.

Возможно бог меня накажет.
И одиноким я умру.
Прости, прости меня родная,
Я отлюбил – люби же ты.

И вот она красивая

Оркестра – музыкант я.
Но небольшой оркестр.
На тубе я играю,
И крест на шее есть.

Нас часто приглашают
Прощание играть.
У нас в репертуаре
Печальный только марш.

Мы звуком умирающим
Рвём души на куски.
Оркестра музыканты
На похороны шли.

Когда пришли увидел я,
В гробу лежала та,
По ком страдало сердце
И мучилась душа.

И вот она красивая
Лежит уже в гробу.
А я как неприкаянный
Один, один живу.

Оркестра – музыкант я.
Но небольшой оркестр.
Сегодня я играю
По той, которой нет.

Когда мы отыграем,
Я к ней опять приду.
И стопку водки выпью,
За упокой любви.

Вы поздравили невесту

Ваша милая улыбка.
Серебристая накидка.
Розы красные в руке.
Дождик мелкий на дворе.

Вы приехали на свадьбу,
На чужую, не свою.
Вы поздравили невесту,
Улыбнулись жениху.

Лучик солнца в той улыбке.
Зайчик солнечный во тьме.
Этот зайчик душу тронул.
Всколыхнул любовь во мне.

И на свадьбе этой долгой,
Только с вами танцевал.
И украдкой тихой лаской
Губы ваши целовал.

Ваша милая улыбка.
Серебристая накидка.
Розы красные в руке.
Солнца много на дворе.

Море

Мрачные тучи
Нависли над морем.
Но безмятежно оно.
Что ему тучи,
Когда ведь по силе
Вряд ли сравнится с ним кто.
Если же тучи
Наглеть начинают
Белым барашком
Фыркнет лишь в высь.
Ну, а если совсем разозлили
Серебристо-седые
Волны погонит на них.
Море всегда
Величаво-спокойно,
Но, до известной поры.
Ветер-изменник,
Моря любимец,
Тучки гоняет вдали.

Прошла пролетела наша любовь

Багряные листья наземь упали.
Прошла пролетела наша любовь.

Мы как те листья сегодня упали.
Жизненный ветер нас сильно подсе́к.

Листья пожухли, листья завяли.
Мы как те листья тоже увяли.

Лисья лежали, гнили в грязи.
Надо понять кем стали и мы.

Багряные листья лежат на земле.
Нет уж багрянца в нашей душе.

Льдинка зла

Где рассвета день прекрасный.
Где покой души.
Набежали, набежали
Пасмурные дни.

Почему тяжёлым градом
Слёзы льют в душе.
Почему с тяжёлым взглядом
Я иду к тебе.

Ты с тоской меня встречаешь,
Ты в тревоге вся.
И в глазах твоих играет,
Льдинка зла.

Разговор у нас тяжёлый.
Разговор беды.
Разбегаются в сторонки,
Две судьбы.

Где же ты мой...

Вот он запел свою песню любовную.
В сердце моём разгорелся пожар.
Где же ты мой золотой, бриллиантовый.
Где же ты бродишь один без меня.

Вот он рассыпал руладу тревожную,
Вот и коленце бросил мне в дар.
Где же ты мой золотой, бриллиантовый.
Где же ты бродишь, мой дорогой.

Вот он высокую ноту урвылкалал.
Я уж сгорела от страсти тут вся.
Что же ты сделал со мною соловушка,
Что же ты сделал, птичка моя.

Как я люблю соловья голосистого,
Что ублажает на зорьке меня.
Где же ты мой золотой, бриллиантовый,
Где же ты бродишь один без меня.

Я сам уйду – люби же ты

Нашло затменье – полюбили.
И по любви с тобою мы.
И счастье было, счастье было.
Но вижу я, остыла ты.

Уж голос чаще поднимаешь.
Уж старость видишь ты мою.
И вижу, вижу ты страдаешь,
И даже знаю почему.

Ты католичка – грех развода,
Висит дамокловым мечом.
И ты страдаешь, ты страдаешь.
Твои страдания – мои.

Я говорил тебе, родная.
Намного старше я тебя.
И возраст мой разлукой станет,
Когда отлюбишь ты меня.

Но ты любила – мы любили.
И в омут счастья головой.
Но вижу я, что ты остыла.
И видно я уж не родной.

Возможно, это наказание,
За тех двоих, что разлюбил.
Ты потерпи ещё родная,
Я сам уйду – люби же ты.

Была она легка, напевна...

Порой душа тоскует беспричинно.
Слезой вдруг полнятся глаза.
Я вспоминаю те мгновенья,
Что подарила мне она.

Была она легка, напевна.
Как василёк прекрасна вся.
А как смеялась серебристо,
Печаль моя и боль моя.

Любил её до помраченья.
Порой терял рассудок весь.
И ревновал её до исступленья.
И тем сгубил мой василёк.

Её согнул любовью дикой.
Любовью злобной, непростой.
И потерял её мгновенно.
Мой шероховатый стебелёк.

Душа тоскует болью тела.
Глаза наполнены слезой.
И в этой боли слышу только:
Прощай любимый – мой ты злой.

УВЫ!

Чего хочу я сам не знаю.
И что хочу сам не пойму.
Бездумно я смотрю глазами
На мир, в котором я живу.
Живу в смятеньи,
Весь в тревогах,
Что день грядущий мне предложит.
Где отдохнуть душе моей,
От всех забот, тревог и бед.
Где те леса, чтобы душа
Мечтам и неге отдавалась
И праздной лени предавалась.
Где тот чудесный ветерок,
Что тучки по небу гоняет,
И для меня, когда умру,
Приготавливает.
УВЫ!
Мечты о лени сладостный полёт,
Бег жизни резко обрывает.
Забот, тревог мне прибавляет,
И в ленный рай,
Пока,
Ворота закрывает.

Мои родные дети

Мой мозг немного и устал.
Его проблемы мира больше не тревожат.
Кроссворды жизни, что решал,
Его уж не заботят.
Замкнулся он лишь на себе.
На то: – кем был, кем стал, что делал.
И почему тогда так поступил,
Сглупил, ошибку совершил,
И был в обиде. —
В себе ему копать стало интересней.
Чего теперь хотеть,
И как бы это стало?
И потихоньку мысли сводятся к тому,
Что лишь покоя хочется ему.
Вся жизнь – заботы.
А сейчас?
Заботы о себе родимом?
Но это вряд ли!
Ведь за спиной есть хвост.
Мои родные дети.
И мозгу отдохнуть
Они тут не дадут,
До самой смерти.
И коль мой мозг

Немного ленивым стал,
Он захиреть не сможет.
Ему работу для ума
Дадут родные дети.

Я был влюблён и был любим

Сегодня вечер танцевальный.
Сегодня был я не один.
И в танце медленно-тягучем,
Я был влюблён и был любим.

Тепло руки чуть-чуть дрожавшей,
Я ощущал костром лесным.
И сам горел пожаром страшным,
Я был влюблён и был любим.

Мы в танце медленном кружились,
И говорили ни о чём.
И только тайные желанья,
Вдруг прерывали разговор.

Закончен вечер танцевальный.
Я робок был, ушёл один.
Но помню, помню то томленье.
Я был влюблён и был любим.

И теперь я мучаюсь

Лентой шелковистой,
Тонкой, серебристой,
Молнией мгновенной
Мысль моя летит.

Где же ты, красивая,
Милая, любимая?
Почему так сердце
Томится моё.

Помню то мгновение
Встречи мимолётной.
Взглядом равнодушным
Обожгла меня.

И теперь я мучаюсь
Лишь одним мгновением,
Встречи мимолётной,
Что любовь зажгла.

И кленовый лист...

Вот набухли почки.
Выглянул росток.
Зеленеет маленький
Клёна лепесток.

Солнышко всё греет,
И растёт листок.
Скоро сильным станет
Клёна лепесток.

Лето уж в разгаре.
Солнце всё жарчей.
Нос мой обгорает,
Нужен лист скорей.

И кленовый лист,
Намочив слюной,
Положу от солнца
И спасу свой нос.

А потом устало
Лягу я под клён.
С бормотаньем листьев
Отйду я в сон.

Я гляжу на плоды рябины

Капли крови пали на землю.
То рябина теряла плоды.
Кровоточило сердце любовью
И теряло силы свои.

Рана болела долго и нудно.
Но время взяло своё.
И только горечь немного
Всё тревожило сердце моё.

Миг любви – он приходит внезапно.
Снова сердце горит как свеча.
Но тревожит при встречах прохлада,
Что мелькает в глазах у неё.

Мы расстались с ней на рассвете.
Слов уж не было – только печаль.
Догорела свеча надежды.
В сердце похоронного марша плачь.

Я гляжу на плоды рябины.
Я топчу их ни сколь не стыдясь.
Не болит моё сердце любовью.
Оно больше не хочет... ЛЮБИТЬ.

Снова мыть коня

Счастье нету больше
В детстве мыть коня.
Он стоит и косится,
Фыркает всегда.

Я водой речною
Брызгаю в него.
Он ногой капризно
трогает всё дно.

Щёткой растираю
Мокрые бока.
Он губами бархата
Трогает меня.

А потом довольные
Мы бредём с реки.
И горбушку с солью
Я скормлю с руки.

Будет день, работа,
Овод и жара.
Вечером же буду
Снова мыть коня.

Я расту под дождиком...

Солнышко играет,
Но тучка набегает,
И накрывши солнце,
Потекла слезой.

Я стою под деревом,
И ловлю рукой,
Слёзки этой тучки,
Тучки дождевой.

А затем напившись,
В дождик с головой.
Он же очень тёплый,
Летний дождик мой.

Прыгаю по лужам,
Там, где пузыри,
Лопаются радугой,
Утренней зари.

Я расту под дождиком.
Я уже большой.
Скоро я достану
Радугу рукой.

Моя прекрасная Изольда

Ромашки жёлтые сорву,
Венок из них я сам сплету.
И подарю его тебе,
Моя прекрасная Изольда.

Венок ромашек от души.
Его ты милая прими.
Всё для тебя я от себя,
Моя прекрасная Изольда.

Отблеск огня в очах твоих.
И жёлтый нимб огнём горит.
Ты для меня желанней всех,
Моя прекрасная Изольда.

Я на колени упаду.
Твои я ноги обниму.
Ты для меня милее всех,
Моя прекрасная Изольда.

Луну с небес тебе возьму.
Тебе одной я поднесу.
Ты в серебре красивей всех,
Моя прекрасная Изольда.

Я жду твои слова любви.
Я жду признания твои.
Ну говори скорее их,
Моя прекрасная Изольда.

– Венок ромашек я порву.
Луну на небо отпущу.
Я не люблю тебя, герой.
Я не твоя прекрасная Изольда. —

Фаины пушкинской слова,
Как больно ранили меня.
И взгляд прощальный на тебя,
Моя прекрасная Изольда.

Смешинка

Когда смеюсь я громко
Мне мама говорит: —
Смешинка в рот попала, —
И ласково глядит.

Тогда несусь я к зеркалу,
И открываю рот.
Стараюсь очень тщательно,
Смешинку рассмотреть.

Я думаю смешинка,
Конфеткой должна быть.
Но как я не стараюсь,
Конфеты там и нет.

Я к маме возвращаюсь,
Печально говорю:
– Смешинка потерялась,
Никак и не найду. —

А мама улыбаясь,
Смешинку достаёт.
И нежно в лоб целуя,
В кармашек мне кладёт.

– А если ещё хочешь,
Ты к папе поспеши.
Смешинку потерявшуюся,
Попробуй с ним найти.

Я обнимаю папу.
И папа говорит:
– Смешинку потеряла,
Сейчас тебе найду. —

И вот в моём кармашке,
Смешинки две лежат.
И если потеряю,
Я знаю, где искать.

А зимой коровки...

Травы луговые
Под косою легли.
Запах очень крепкий
Скошенной травы.

И на солнце жарком
Высохнет трава.
И её с охотой
Заметут в стога.

Мы же, ребяташки,
На стога играть.
Норки, как и мышки,
Будем выгрызать.

Но с полей всё сено
В сенник увезут.
И от игр ребячьих
Крепко всё запрут.

А зимой коровки,
Сено то жуя,
Молочком заплачут,
Нас им напоя.

Так по привычке...

Ёжик с лисичкой,
Бельчонок и мишка,
В прятки-пятнашки
Играют в лесу.

Мамы в сторонке
Вяжут носочки,
Зорко в тенёчке
Глядя на игру.

Детки усталые,
Страшно довольные,
К ним подбегают
И просят еду.

Мамы из сумок
Тянут провизию.
Мамы с рук кормят
Свою детвору.

– Вот изгвоздались,
Вот перепачкались —
Пап на вас нет. —
Так по привычке

Кряхтя и ворча,
С охами-ахами,
Любят всегда.

И ВНОВЬ СО МНОЙ МОЯ ЛЮБОВЬ

В моей душе обиды нет.
Пожар любви давно затух.
И только зимней длинной ночью
Я так хочу, чтоб был ты здесь.

Моя любовь всю пылала.
Моя любовь шла в небеса.
В тебе одном душа сгорала.
Тобой одним дышала я.

И вспоминаю стан твой крепкий.
И руки тёплые твои.
И жаркий шёпот слов приятных.
И как ждала слова любви.

Но слов любви я не дождалась.
Обидно было мне до слёз.
Я горевала, тосковала.
А ты ушёл, и ты исчез.

И вот лежу и вспоминаю.
Зима бушует за окном.
Меня ты снова обнимаешь.
Ты вновь со мной – моя любовь.

Родина ты малая...

Я воды колодезной
Выпью из ведра.
Чистой, изумительной.
То Земли слеза.

И сведёт мне скулы,
Холодом воды.
И нальюсь я бодрости,
Глубины Земли.

Долго, с передыхом,
Буду пить слезу.
И остатки влаги
На лицо махну.

Полон, полон счастья,
После той слезы.
Родина ты малая,
Часть родной страны.

Завтра буду снова
Из колодца пить.
Мне ещё денёчек
В деревеньке жить.

Но как солнца лучик...

Милая берёзка,
Как печальна ты,
Под унылым дождиком,
В пасмурные дни.
Но как солнца лучик,
На тебя падёт,
Вся ты заиграешь,
Словно колобок.
А злодейка осень,
Тут как тут она,
Не даёт играть
С лучиком тепла.
Дождиком всё мочит,
Холодом томит,
Всё как будто шепчет,
Ты усни, усни.
Засыпай берёзка,
Спи аж до весны.
Ты красивой будешь
В летние деньки.
Вдоволь наиграешься
Лучиком тепла,
Для любви красавица,
Расцветёшь тогда.

Они вас помнят молодой

Звездой Вы были,
Но забыты.
Живёте тихо Вы одна.
Но те, кто Вас тогда любили,
Вас не забудут никогда.
Они Вас помнят молодой.
Для них мечтою были Вы.
Они Вас тайно так любили.
Вы были частью их души.
Они во снах Вас целовали.
Руками нежно обнимали.
И просыпались в слезах.
Какой же дивный был мираж.
Когда в кино или театре,
Чужою жизнью жили Вы,
Они любили и страдали,
И погибали, как и Вы.
И вот в тиши своей квартиры,
Вы доживаете одна.
Но те, кто Вас тайком любили,
Для них Звезда – Мечта всегда.

Как смывает дождик осень...

Печалью мочит дождик душу.

Осень на дворе.

Мне тоскливо, одиноко.

Скоро быть зиме.

Беспричинно что-то гложет,

Сердце жмёт моё.

Где-то там в Литве далёкой,

Смотришь ты в окно.

Может также, как и здесь,

Дождик на дворе.

Может также, как и здесь,

Сердце жмёт твоё.

Нас судьба на век сплотила,

Пасмурным дождём.

И сердца нам – ОЖИДАНИЕ,

Лапкой жмёт своей.

И представив на мгновенье,

Твой печальный вздох,

Захотелось быть мне рядом,

С осенью твоей.

И стоять с тобою рядом,
И смотреть в окно,
Как смывает дождик осень.
Скоро быть зиме.

Осень жалобно поплачет...

Шедевр осенний на дворе,
Жёлтая листва.
Но всё чаще серебром,
Любит их зима.

Осень жалобно поплачет,
Сереньким дождём.
Лето днём ей помогает,
Тёплым ветерком.

Но придёт однажды ночью,
Белая зима.
Лето больше не поможет,
Осень сдаст права.

Лёгким утренним морозцем.
Красногрудым снегирём.
Жёлто-чёрную синичку,
Обдувает северком.

Шедевром зимним на дворе
Играет детвора.
Снежком подтаявшим, весна,
Уже пугнула снегиря.

Зима уйдёт последнею сосулькой

Зима, людей тепло одетых,
Замучила вконец.
Весна, дай скинуть им одежды,
Приди, приди скорей.

Весна боится подступиться.
Зима ещё страшна, сильна.
И враз скуёт весны попытку,
Бег оживить застывшего ручья.

А от удара зимней стужи,
Весна зальётся тут слезой.
и будет плакать и бороться,
Пока не станет жить ручей.

Зима уйдёт последнею сосулькой,
Тогда весна закончит слёзы лить.
И для людей свою подружку, Лето,
Всё чаще будет торопить.

А лето, жаркими деньками,
Заставит всю одежду снять.
Людишки, от жары сгорая,
Начнут стонать и зиму звать.

А та, вначале, осень пустит.
Пускай людишек остудит.
Затем придёт и вновь замучит,
Тех, кто зимой по лету загрустит.

Погода, ах... погода!

Зима и Осень. Лето и Весна.
Погода очень часто меняет времена.
Зима порой – без снега. А Осень – без дождя.
Весной бывает Лето, а Лето – как Весна.
Погода, ах... Погода! – творится в небесах.
И человек тоже, замешен тут подчас.

Но как бы сделать так,
Чтоб Лето было б Летом.
Весна была б Весной.
Зима полна бы снега,
А Осень золотой.

Какое б постоянство
Было б и у людей.
Когда прекрасно знаешь,
Что день сменяет ночь.

И вижу главное – люблю

Я ваше тайное послание
Держу у сердца своего.
В нём много нежных слов желания,
Но есть и главное – ЛЮБЛЮ.

Люблю тебя за очи дивные.
Люблю тебя за светлый день.
Люблю тебя за сердце славное.
Люблю тебя за то что есть.

Я ваше тайное послание
Порой от сердца оторву.
Его читаю с наслаждением,
И вижу главное-ЛЮБЛЮ.

Люблю тебя за ласки нежные.
Люблю тебя за ночь без сна
Люблю тебя за всё прекрасное.
Люблю тебя любовь моя.

Я ваше тайное послание
Опять у сердца положу.
В нём много нежных слов желания,
И наше главное – ЛЮБЛЮ.

Твой срок идёт...

Моряк-рыбак,
Ты добровольно
Избрал себе
Плавучую тюрьму.
Рыбацкий рокон,
твой халат тюремный,
А рыбодел,
Что рудник в Воркуте.
За пайку хлеба и валюту,
На борт ты тащишь трал.
За рыбоделом кровью рыбин,
Ты пачкаешь халат.
Отшкерив рыбу,
Её, ты в морозилку сунешь.
Там заморозив,
Вынешь, упакуешь
И в трюм опустишь.
А срок идёт.
Вокруг вода.
И вот уж полные трюма.
Да на свидание бежит
Рыбацкий транспорт.
Он спешит.
При перегрузке

Водки тяпнешь.
Родных ты вспомнишь,
И на вахту.
И вновь тянуть свой срок.
А он течёт.
Три месяца, полгода,
И вот последний трал,
Домой дорога,
И вновь забота.
Родные берега,
Которые забыл.
Ты ведь от них отвык.
На берегу,
Отдав жене и детям,
Деньги, ласки,
Вновь убегаешь ты в моря,
Мотать свой срок.
МОРЯК-РЫБАК!

И слёзы, слёзы, слёзы...

Гобои и фаготы
В оркестре не слышны.
Смычковые играют
За упокой души.

Но вот басово соло,
И смолкли все они.
Гобои и фаготы,
Ну, где же, где же вы.

Ударили литавры.
И звоном стон пошёл.
Гобои и фаготы,
Куда же вы ушли.

Когда же ваше слово,
Аккордом для души.
Но слух тут оскорбляет,
Звон лопнувшей струны.

Гобои и фаготы,
Шопена марш не наш.
В могилу гроб спустили,
Покойник уже ваш.

И слёзы, слёзы, слёзы

Идут, идут из глаз.

Гобои и фаготы,

Мы слышим, слышим вас.

Понарошку мы стреляли

Улетели, улетели
Детские года.
Наступила, наступила
Зрелая пора.

Но порою возвращаюсь,
Правда иногда,
В затуманенные дали,
Что были тогда.

Золотое было время.
Речка, пескари.
И весёлые ребята.
Где теперь они.

Разбросало судьбы наши,
По родной стране.
Кто-то дни свои проводит
И в чужой земле.

Почему-то в детстве нашем,
Всё была война.
И играли, и играли
Часто до допоздна.

Понарошку мы стреляли,
Понарошку убивали,
Понарошку умирали,
Но за Родину всегда.

Отголосок той кровавой,
Но большой войны,
Отыгрался в нашем детстве
Эхом той беды.

Вы уходили не прощаясь

Души печальные надрывы.
На сердце рубчики судьбы.
Вы уходили не прощаясь,
Оставив лето позади.

И ваш уход тяжёлой раной,
Рвал душу просто на куски.
Слезой мрачной и кровавой,
На сердце оставлял рубцы.

И только время дорогое,
Лечило душу вновь и вновь.
А сердце рубчиком тончайшим,
Себе пометило – любовь.

И вот когда душа в покое,
И сердце больше не болит,
С тревогой жду прихода лета,
Мой рубчик сердца уж томит.

Души печальные надрывы.
На сердце рубчики судьбы.
Устал я ждать прихода лета.
Хочу опять следы любви.

То был не клик...

Летели птицы в поднебесье,
Весёлым кликом оглашая мир.
Зима на крылья опускалась
И подгоняла их.

Они летели над полями,
Они летели над лесами.
Их путь лежал через моря,
В родные тёплые места.

Их было тридцать птиц могучих,
За лето нагулявших сил.
И сил хватало им добраться,
Туда, где есть прокорм и мир.

Но на пути в тот край прекрасный,
Взметнулся в высь грибок ужасный.
И от красивых сильных птиц,
Остался лишь последний клик.

То был не клик, а крик несчастных.
И он летел над всей Землёй.
И был проклятием ужасным,
Для тех, кто создал тот грибок.

Стреляя – убиваешь

А в армии приказы
Никем не обсуждаются.
А в армии приказы
Лишь только выполняются.

Стреляя – убиваешь.
Приказ ты выполняешь.
И совесть тут твоя.
Химерой лишь была.

Сжигаешь ты деревню
И жителей её.
Сжигаешь по приказу,
Что хочешь ты ещё.

Ребёнок партизана,
Убей его скорей.
Ведь вырастет зараза
и отомстит тебе.

А совесть не химера,
Порой даёт и знать,
Приказ ты выполняешь,
Но всё ж не автомат.

И мальчики кровавые,
Придут к тебе во снах,
И будешь просыпаться,
В поту не раз, не раз.

Ты был простым солдатом,
Ты выполнял приказ.
Судить тебя солдатик,
Труднее в небесах.

Приказ не обсуждается.
Приказ лишь выполняется.
Ты – Родины – солдат.
Ты – будешь – убивать.

Мария с Мерседес пивка подносят...

Нам грузят в трюм бананы Эквадора,
И мы решили взять пока пивка на грудь,
А местные ребята-эквадорцы,
Решили русских в пиве победить.

Ах, эквадорцы, эквадорцы, эквадорцы.
Хороший вы банановый народ.
Но русских-маринеро – к водке стойких,
Вам в жизни никогда не победить.

Мария с Мерседес пивка подносят.
Мулаточки уж больно хороши.
И русским-маринеро – глазки строят,
Падение морали впереди.

Хорошие ребята – Эквадора,
Давно под стол лежать хрю-хрю пошли,
А русских два красавца-маринеро,
В отель «Экстаз» с девчонками ушли.

Ах, эквадорцы, эквадорцы, эквадорцы,
Хороший вы банановый народ.
Но русских-маринеро – к водке стойких,

Вам в жизни никогда не победить.

Тревогу душит интерес...

Сегодня лени я предамся.
Сегодня буду я один.
Мечтам безумным я отдамся,
И в них я буду не один.

Я мчусь в космические дали.
И вижу звёздный мир таким,
Каким увидел и создатель,
Когда спеша его творил.

Вот мчится рядом астероид.
На нём космический корабль.
Лежит бездыханный и мёртвый.
Таит в себе он чью печаль.

Его я взглядом провожаю,
Тревожно стало на душе.
Зачем я мчусь в космические дали,
Не повернуть ли мне к Земле.

Но повернуть всегда успею.
Тревогу душит интерес.
Хочу взглянуть на то, что строят.
Хочу узнать, кто создаёт.

Вот ближе, ближе край вселенной.
Я слышу взрывов гул глухой.
И вот уже на горизонте,
Я вижу свет, он не земной.

Я подлетаю всё быстрее.
Я вижу битву: зла-добра.
И из осколков дня и ночи,
Кого же вижу?... это Я!

И потекла земля слезой...

Они стояли у могилы,
И ждали горсть земли вдовы.
Ведь гроб лежал уже в низине,
И ждал покрытия земли.

Вдова в руке держала землю,
Но не решалась бросить ком.
Оркестр не громко бухнул медью,
И потекла земля слезой.

Стонал оркестр, вдова рыдала.
Печаль волной накрыла всех.
Цветок жасмина был раздавлен.
И встал уже могильный крест.

Венки накрыли всю могилу.
Оркестр всплакнул последний раз.
Все поспешили по машинам,
Скорей туда, где поминать.

А через час к пустому месту,
Пришли бомжи, что в склепах жили,
И взяв из груды два венка,
Их отнесли – тому, кто дал вина.

За что так зиму любят двое

Зима сегодня разгулялась,
Гоняет ветер по двору.
Собака нос в живот уткнувши,
Дыханьем греет конуру.

Но вот шаги там у калитки,
И ухо пса уже торчком.
И он летит, летит из будки,
Зима ему уж ни по чём.

Хозяйку малую встречает.
Хвостом вертит, юлой играет.
В прыжке удачно лижет нос.
И получает свой кусок.

За что так зиму любят двое.
Им ни по чём её вражда.
Пёс утром в школу провожает,
А после школы их игра.

И наигравшись до упаду,
Уйдёт хозяйюшка в избу,
А пёс свой нос в живот уткнувши,
Дыханьем греет конуру.

Слезинки-горькие дождинки

Печаль слезинками скопилась,
Уже в начале твоих глаз.
Ещё не много и слезинки,
Тропой солёной побежат.

Что послужило той печали,
Когда по нежному лицу,
Слезинки, что ручьём бежали,
Вдруг превратились в реку.

Слезинки – горькие дождинки,
Из недр пылающей любви.
Слезинки – горькие дождинки,
Надежд разбитые мечты.

Но вот поток слезинок исчезает,
Река убралась в ручеёк,
А тот в слезинку истлевает,
И заберёт её платок.

Слезинки – горькие дождинки,
В остатках чуть набухших век.
Слезинки – горькие дождинки,
Девичьих слёз короткий век.

Предал я тебя

Снеговым бураном,
Пронеслась любовь.
Вьюгой, вьюгой, вьюгой,
Запорошив след.
Но снежинкой талой
Был оставлен срез.
Кровоточит в сердце
Саночный разрез.
Почему так остро
Всё болит душа.
Почему на сердце тяжесть
Давит всё меня.
Ты в душе моей осталась
Видно навсегда.
Потому на сердце тяжесть,
Предал я тебя.
И простить меня не сможешь,
Однолюбка ты.
И слышны твои слова,
Что предатель я.
Снеговым бураном
Пронеслась любовь.
Как же ты, предатель,
Всё ещё живёшь.

Как сказать-признаться...

Солнышко играет в золотой косе.
Посчитал веснушки на её лице.
Пробежал котёнок – хвостиком «торчмя».
Улыбнулась девушка – подсолнухом светя.

Как сказать-признаться, что её люблю,
Что на белом свете, ей одной живу.
Робко и не смело на неё гляжу,
Хочется мне тронуть всё её косу.

А она смеётся, глядя на меня,
И косой играет, не тая.
Тут и срок приходит в армию идти,
Так и не признался ей в своей любви.

На вокзале помню, я в толпе девчат,
Посчитал веснушки на лице опять.
А потом на службе всё жалел о том,
Что так и не тронул я косы у ней.

Служба проходила, я ей не писал,
Лишь её веснушки часто вспоминал.
Да за день умаявшись видел всё во сне,
Косу золотистую я в своей руке.

А когда вернулся, я смелее был.
Я на ней женился, солнышке моей.
Годы пролетели и теперь у нас,
Доченька с веснушками и косой до пят.

Если б вы знали...

Белые розы немного увяли,
Но вы принимаете дар.
Вижу взволнованы,
Дышите страстно,
Мы продолжаем роман.

«Я опоздала всего на минуту».

«Эта минута – жизни мой час.
Если бы вы опоздали на десять,
Поверьте,
Я бы умер, тоскуя по вас».

«Ты извини меня, милый-любимый,
Если б ты умер, я б не жила.
Ты не сердись, мною любимый,
Если б ты знал, как жизнь хороша».

«Вижу любимая, вижу родимая.
Дай обниму я тебя.
Жаром любовным тела прекрасного,
В плен забирай навсегда».

Белые розы, белые розы,

В песнях всегда.
Белые розы, белые розы,
Счастлив с ней я.

Как жадно жду я наши встречи

Ах, эти встречи, встречи, встречи.
Какой романтикой полны.
Когда струёй коварной глади,
Ты льёшь слова своей любви.

Как нежно, нежно ты целуешь,
Как прижимаешься ко мне.
А я стыдливо отстраняясь,
Хочу внимать твоей любви.

И ты их льёшь потоком бурным.
И снова сблизился со мной.
И нету сил мне отстраниться.
Коварство слов меня сильней.

И вот в объятьях твоих крепких,
Теряю голову свою.
И только шёпот слов любовных,
Всё также сильно я хочу.

Ах, эти встречи, встречи, встречи.
Какой романтикой полны.
Как жадно жду я наши встречи,
Как жадно жду слова любви.

Мой Иванчик, мой баранчик

Что случилось мой Иванчик,
Мой козлёнок, мой баранчик.
Почему сердитый ты,
И надутый как верды.

Ведь вчера мы целовались,
Очень жарко обнимались.
И слова любви свои,
Уходя оставил ты.

А сегодня ты сердит.
Ничего не говоришь.
Чем обидела тебя.
Ты скажи мне не тая.

Я скажу тебе родная.
Я скажу, услышат все,
Ты такая растакая,
Не хорошая вся ты.

Три часа ты у калитки,
С кем болтала, вспомни ты.
Чей букет, такой огнистый,
Прижимала ты к груди.

Что язык ты проглотила,
Нехорошая такая.
Я ль тебя не целовал,
Я ль тебя не миловал.

Кто тебя в кино водил,
Кто тебе цветы дарил.
А в ответ гляжу она,
Три часа ля-ля, ля-ля.

Ты ревнуешь, мой Иванчик,
Мой козлёнок, мой баранчик.
Только лишь тебя люблю,
И в ответ тебе скажу.

С кем болтала у калитки.
От кого цветы брала.
И тебе, мой обезьянчик,
Повод к ревности дала.

Ах, Иванчик, мой дурманчик,
Лопушок мой дорогой.
Завтра будем мы на свадьбе,
У подружки дорогой.

А стояла у калитки,
С женихом её родным.
И болтала я с невестой,

Что под руку с молодым.

Неужели не заметил,
Ты невесту у него.
Симпатичную подружку,
Красивей в сто раз его.

Ты не сердисься, Иванчик.
Мой козлёнок, мой болванчик.
Весь расцвёл, душа моя,
Ну целуй, целуй меня.

Когда придёшь ко мне, родная

Когда в печали мы бываем,
То вспоминаем вечера,
Когда впервые целовались,
И обнимались до утра.

Как жарко в ухо мы шептались,
Как жарко страстно обнимались,
Как горячи были слова:
– Люблю тебя и лишь тебя. —

То было время без печали,
То было время страсти роковой,
Когда два сердца утомлялись,
Одной, но светлую мечтой.

– Когда придёшь ко мне, родная?
– Когда увидимся, родной?
– К тебе бегу, моя родная.
– К Тебе стремлюсь я, дорогой.

Но всё течёт, всё бег имеет.
И жизнь на месте не стоит.
– Ты не ушла, моя родная?
– Я здесь, мой милый и родной.

Романсы

Романса звуки мне на сердце
Легли печальною строкой.
И в этих звуках, в этих строках,
Моя ушедшая любовь.

Пойми меня, пойми душою,
Ушла любовь, ушла давно.
И лишь «Звездой над могилой»,
«Кустом увядших хризантем»,
Романса звуки золотые,
Мне возвращают ту любовь.

Тоскую я, романс услышав,
Слезою звук его продля.
Душа встревожена строкою,
Глазами ищет всю тебя.

И ты сейчас передо мною,
В тончайшей паволоке дня.
Как ты прекрасна, дорогая,
Как ты чудесна, боль моя.

Пойми меня, пойми душою.
Ушла любовь, ушла давно.

И лишь «Звездой над могилой»,
«Кустом увядших хризантем»,
Романса звуки золотые,
Мне возвращают ту любовь.

Март, кошачьей лапкой...

Опять кошачьей лапкой
Коснулся март меня.
И на 8-е марта
Я пригласил тебя.

Осыпалась мимоза,
Была вся для тебя,
Ты же на свидание
Так и не пришла.

Целый вечер ждал.
День другой настал.
И пустой бокал,
Зря так простоял.

Март, кошачьей лапкой,
Не задел тебя.
И бокал вина
Выпью за себя.

Страдаешь, моя милая...

Глаза твои осенние,
Печальные глаза.
Страдаешь, моя милая,
С тобой страдаю я.
Любовь та безответная,
Туманила глаза.
Ты не смотрела, милая.
Другим увлечена.
И он тебя волнует,
И им ты вся полна.
Берёзка, моя милая,
Печаль моя горька.
Дай бог, тебя полюбит,
Тот, кем увлечена.
Пока же он не видит,
Как ты страдаешь вся.
И вижу, ты поникла,
Голубушка моя.
Страдаешь, моя милая,
С тобой страдаю я.

Я подала вам руку

Вы подали мне руку,
И с вами я пошла.
И в танце нашем медленном,
Сказали вы слова.

«Давно я вас, красивая,
Давно, давно люблю.
И замуж, моя милая,
Я вас прошу, прошу».

Но танец быстро кончился,
И я ушла от вас.
И долго танец «белый»
Ждала, ждала для нас.

Я подала вам руку,
И с вами я пошла.
И в танце нашем медленном,
Судьба моя была.

Я ловлю родные звуки

Папа дремлет, спит братишка,
Мама в кухне шебуршит,
Мне пока ещё не спится,
Я в прожитом ещё дне.
Милый пёсик, славный Тимка,
На ногах моих лежит.
Он храпун подчас ужасный,
Но сейчас со мной не спит.
Чешет блошку задней лапкой,
И умиленно сопит.
Глядь, а ушки на макушке,
И с кровати прыг да скок.
И зацокал он на кухню,
Тявкнул раз и враз умолк.
Видно мама ему в миску,
Что-то вкусное кладёт.
Я ловлю родные звуки,
Улыбаюсь я себе.
Милый дом – спокойной ночи,
Дом родной – покой тебе.

Ах, детства – зорькина пора!

Осенней желтизной горел закат.
И дым костра белесой дымкой поднимался.
В ночное дети гнали лошадей.
Тиши покой на землю опускался.
И вот уже ожгла роса, босые ноги пацана.
Ночной пескарь на удочку попался.
И... стих комар.
Посыпан крупной солью хлеб ржаной.
В руках картошка остывает перекатом.
И фыркнет сзади конь, хлебца прося,
И съест его с ладони у мальчика.
Затем начнутся разговоры:
Про ведьм, про кладбище,
Про смерть с нелепою косою.
Потом утихнут и уснут.
И лишь один, что всех покрепче,
Сидеть он будет до утра,
Тревожа кончиком прута угли костра.
Но вот кусочек солнца брызжет.
Пора вставать, поить коней.
А там лихим, туманным эскадроном,
Будить гусей, будить людей.
Ах, детства – зорькина пора!
Куда ушла, куда ушла?

Заря, полоской фиолета...

Орловские поля застыли в неге.

Луна, полоской серебра,

В неспешном беге.

Порою искоркой огня,

Засветит льдинка,

И ослепит на миг она,

Глаза мышонка.

И тут же писк, то боли крик,

И не спеша, сова в когтях,

Несёт мыша.

А у мышкующей лисы,

Течёт слезинка.

Ведь ей осталась лишь картинка,

Да яблоко коня,

Что тот оставил лишь вчера.

Луна всё дальше убегает,

И исчезает в вышине.

Заря, полоской фиолета,

Собою начинает день.

Лопухинка

Под Орлом лежали Кромы.
И текла река Тросна.
Лопухинка, Лопухинка,
Деревенька ты моя.

Как забытая тропинка,
Деревенская картинка.
Козла баба погоняет,
Им собака лает в след.

Лопухинка, Лопухинка,
Ты Орловщины глубинка.
Паутиновый рассвет,
Краше сердцу места нет.

Без названия речушка.
Ребятишки скот пасут.
Слепень тёлочку кусает,
Та, его, хвостом пришлёп.

Лопухинка, Лопухинка,
Ты лазорева росинка.
Как жемчужинка красна,
Россияночка моя.

А как лето наступает,
Лопушата наезжают.
И на бабиных харчах,
Все растут как на дрожжах.

Лопухинка, Лопухинка,
Золотистые поля.
Лопухинка, Лопухинка,
Деревенская страда.

Вот и осени пора,
Лопушата, кто-куда.
И печали враз полна,
Лопухиночка моя.

Лопухинка, Лопухинка,
Сероватая старинка.
Бледно-розовый закат,
И пожухлый рой опят.

А зимой бывают дни,
Серебристые они.
И одетая в снега,
Деревенька хороша.

Лопухинка, Лопухинка,
Я твоя, твоя кровинка.
Светлой радости жива,

Полновесная слеза.

*Место моего рождения: с. Лопухинка, Троснянский район,
Орловская область.*

Ты вновь зовёшь...

Орловский край, ты мой любимый.
Оки размах и бег коня.
И детский дом навеки милый,
Хотя давно там не был я.

Зовёт порой меня ночами,
Мир детства – счастья моего.
И просыпаюсь со слезами,
Туда бежать, но для чего?

Там не увидишь то, что было.
Там не вернёшь себя – тогда.
Когда бродил мальчонкой босым,
Когда кормил с руки коня.

Вернёшься ты и, что увидишь.
Того, что было, там уж нет.
А те, кто был тогда большими,
Они давно уже не те.

Заботы дня тоску отгонят.
Опять отложен мой отъезд.
И долго длинными ночами,
Мой край не шлёт мне свой привет.

Но вот как зов трубы далёкой,
Письмо из детства моего.
Орловский край, ты мой любимый,
Ты вновь зовёшь, зовёшь к себе.

Зима

Снежинки медленно летели,
Морозцем чуть дыша.
И накрывали пеленою,
Поля, леса.
Со звёздной вышины
На землю ночка пала.
Луна монетой заблистала,
И заискрился снег.
Поля, леса,
Седеть тут разом перестали.
Пришла пора побыть в печали.
Зима взяла разбег.

Я ухожу от тебя

Лиловые астры наземь упали.
Боль поразила меня.
Словно огнём меня наказали
в крике истошном слова.
«Хватит! Всё! Надоело!
Астры твои и сам ты.
Айсберг и то, для меня,
Чуть теплее,
Чем руки твои и цветы.
Думала стерпится,
Думала слюбится,
Время поможет тут мне.
Но не смогла я податься и времени,
Кончено! Холоден ты».
Боль обжигала,
Сердце мне рвала,
Ноги не держат меня.
И как расстрелом слова прозвучали:
«Я ухожу от тебя».

Фанфары любви

Сын подрастает,
Кровинка моя.
К солнцу он тянется,
Но всё без меня.
Жизнь так сложилась,
В морях я давно,
Только наездами вижу его.
Он футболист,
Дзюдоист у меня.
Им я люблюсь,
Он радость моя.
Но слышу я голос,
Давно не родной:
«Ты потеряешь его, дорогой.
Если не бросишь свои ты моря,
Холоден будет он навсегда.
Маленьким любит пока он тебя,
Юношей станет, забудет тогда».
Душою я плачу,
А сердцем молчу.
Мальчишке не скажешь,
Что мать не люблю.
Давно отгремели фанфары любви,
А звуки остались:

В сыне они.

Так, кто же мы?

Мы физики и химии – создания.
Случайный выброс вечной мерзлоты.
Несёмся мы в потоке мироздания,
Пылинкой малой – вечной суеты.
Мы верим в то, что разум не объемлет,
И ждём из космоса – подобных нам.
И вечным мы вопросом задаёмся,
Ужель мы верим в бога,
Тогда же, кто же враг?
Живём мы в мире,
В том, который строим.
Тот мир, что богом дан уже не тот.
Себя порой мы сами истребляем,
И вот вопрос: —
Зачем же мы живём? —
Но человек бы ни был человеком,
Коль бы не нёс в себе – добро и зло.
И надо верить в светлое начало,
Что в нём было заложено,
Но кем?

С именем Христовым...

Экстрасенс могучий,
Наш Христос любимый.
Он пятью хлебцами,
Многих накормил.
И лечил мгновенно,
Лишь одним касанием,
И себя из мёртвых,
Сам и воскресил.
И когда распятый,
на кресте висел,
Он вора-убийцу,
Просто пожалел.
И воры-убивцы,
Крест его неся,
Просто и воруют,
Грех свой отмоля.
Экстрасенс могучий,
Наш Христос любимый.
Ты зачем собою,
Всех нас «Зарядил».
С именем Христовым,
Мы в поход крестовый,
В Век уже научный —
Всё идя – бредём.

И роза всегда у меня

Сильно бушуют в море закаты.
Ты не дождалась меня.
В зимнюю стужу красную розу
У сердца держал для тебя.
Тёплую розу ты принимала,
И целовала меня.
Зимняя стужа нас не пугала,
Грела нас роза – твоя и моя.
Как ты любила розы зимою,
Счастлив был я.
Но как-то весной роза увяла,
Ты не дождалась меня.
Роза у сердца в холодной квартире,
Долго грела тогда.
Я и теперь живу одиноко,
И роза всегда у меня.

Сильно бушуют в море закаты.
Ты не дождалась меня.
Роза у сердца шипом колючим,
Ранит и ранит всегда.

И будет встреча...

Они ушли, а были ведь живые.
Они ушли в высоты – в небеса.
А мы остались, мы пока живые,
И наша встреча с ними впереди.
Их вещи, фотографии остались,
Остался дух незримый в нас,
И иногда тревожа сердце,
Они приходят к нам во снах.
И утром просыпаясь с болью,
Подчас мы выкатим слезу,
За них ушедших в вышину,
Да и за нас оставшихся внизу.
А вечером от дел уставши,
Бокал вина себе нальём,
Помянем их уже ушедших,
Да и себя, что всё живём.
И будет встреча – встреча будет.
Её боимся, но к ней идём.
И раз мы помним их ушедших.
То вспомнят нас, когда уйдём.

Когда-то сад был полон жизни

Печаль висит над садом лунным,
Жизнь ушла.
К рассвету скопится на листьях,
Росы слеза.
Луна бросает свет унылый,
На сад уснувший в тишине,
На пруд, искристо-серебристый,
И дом застывший в дремоте.
Когда-то сад был полон жизни,
Цветы цвели и пруд был чист.
Хозяин в доме был весёлый,
Но умер он и... сад в тиши.
По утру, лишь засветит зорька,
Монетой заиграет гладь пруда.
Когда же солнца луч листвы коснётся,
То по хозяину тогда,
Враз потечёт – Росы слеза.

Вы не свободны – горе мне

Томленье разум застиляет.
Туман слезою на глазах.
Пожар желания пылает.
Вы не свободны – горе мне.

Как долго длинными ночами,
Мой разум тяжко хладным был.
Мои глаза покойно стыли,
Никто покой мне не томил.

Но вот вы в жизни появились,
Небрежный головы поклон,
И взгляд холодно-серебристый,
Он отобрал души покой.

Теперь сгораю я в печали.
Желанье тело мне томит.
Вдыхать твоё очарование,
Любить – любить, тебя – любить.

Но это лишь одни мечтания,
Души печальные следы,
Я не могу вам высказать желания,
Вы не свободны – горе мне.

Дню поэзии...

Как часто вдруг бывало,
Я замечал, что душу мне
Стихи поэтов согревают.
Но часто также, думал я,
Прочтя и перечтя стихи,
Что их они под градусом,
Довольно крепком, и писали.
Сегодня, в день поэзии,
Советую друзья,
Поднять бокал и выпить за поэтов.
Затем взять в руки и перо,
И начертать все нужные слова,
Что греют душу и поэта.

Ну! Что? По маленькой ещё.
И за стихи, что рвутся из души!

Полёта дивное мгновенье

Давно во сне я не летаю,
Как не летаю и в мечтах.
Но часто что-то вспоминаю,
Как я летал в прошедших снах.
Бывало гонятся за мною,
И я бегу, бегу, бегу.
И вдруг желание большое,
И я лечу, лечу, лечу.
Полёта дивное мгновенье,
То вниз нырну, то в верх взлечу,
И от избытка наслажденья,
Я тут кричу, кричу, кричу.
И просыпаюсь к сожаленью,
И долго снова не усну,
Всё переживаю те мгновенья,
Когда рождённый ползать,
Я хоть во сне,
Подобно ласточке лечу.

Весна нас мартом не коснулась

А за окном весна бушует.
Но я пока ещё в зиме.
Любимый кот,
Клубком свернувшись,
Глаз открывает в тишине.
Весна нас мартом не коснулась.
Печаль любви ещё в пути.
И мы вдвоём в тепле родимом,
Всё длим и длим покой зимы.

В моей душе надежда есть

Ушла за кромку льда луна.
Моя любовь уж не нужна.
В ночи тягучей и пустой,
Я остаюсь один с собой.

Что не хватало ей со мной,
Такой красивой и смешной.
Когда и где, и почему,
Я упустил свою луну.

Она ответ мне не дала.
Взяла и молча вся ушла.
И свет померк тут для меня,
Куда ушла моя луна.

Пустой и мрачный мир вокруг.
И солнца диск довольно тускл.
Зачем ушла, куда ушла,
Моя прекрасная луна.

Любил её за светлый лик,
Что так в ночи чудно белит.
И серебристый свет лица,
Ласкал меня и лишь меня.

Ушла за кромку льда луна.
Ночь опустилась на меня.
В моей душе надежда есть,
Придёт любовь и будет свет.

Крестьянская страда

Утренние росы обжигали ноги.
И ночная дрёма уходила прочь.
Весело кипела дружная работа,
И трава ложилась под литой косой.
Солнце подымалось – становилось жарко,
И взмокал от пота трудовой народ.
Женщины сгребали скошенные травы,
Заводили песни про родной простор.
А потом обедали с шуткой, прибауткой,
И затем дремали под родной копной.
И опять работали до допоздна, до ночи,
И с приятной тяжестью уходили в сон.
Мужики и бабы быстро засыпали,
Молодёжь игралась бывало до зари.
И опять работа, трудная работа.
Сладкая работа – крестьянская страда.

Мои молодые дни

В печали я, в печали.
Кому понять себя.
Зачем молодые годы
Умчались от меня.

Как часто вдруг тут стали,
Стенания души.
В печали я, в печали.
Прошли молодые дни.

Тревоги всё, тревоги.
Проблемы каждый день.
Покоя мне не будет,
На старости моей.

Одна мне тут отрада,
Мои молодые дни.
Их часто вспоминая,
Я скрашу дни свои.

Кепочка

Я его увидела,
Думала помру.
Сразу вдруг поверила,
Что его люблю.
Мимо меня ходит,
В кепке набекрень,
Как с ума он сводит,
Кепочкой своей.
Стыд девичий – древний,
Обдаёт волной,
Как хочу прижаться,
К кепочке щекой.
Он меня заметил,
Он ко мне идёт,
Кепочку снимает,
И в карман суёт.
Я к нему рванулась,
Он же стороной,
Я тут обернулась,
Он спешил к другой.
И прошёл вразвалочку,
Кепку уронив.
Я ногой ступила,
Кепку придавив.

Будет знать мой милый,
С кем ему дружить,
А пока без кепочки,
Будет он ходить.

Мечты полёт

Моей мечты полёт безмолвный.
Всё происходит лишь в душе.
И только всплеск бывает в вздохе,
Всё остальное в тишине.

Полёт мечты замысловатый,
То в верх пойдёт, то вниз падёт,
То вширь раздуется как шарик,
То узкой лентой поползёт.

О чём мечтаю на рассвете,
О чём мечтаю я в ночи.
И что, мечтая, я желаю,
И что, мечтая, я хочу.

Когда мечты полёт прервётся,
Вокруг с тоской я посмотрю.
И с горьким вздохом расставанья,
Я снова жду полёт мечты.

Ах, калитка

У калитки с тобой мы расстались.
Уходил от меня не спеша.
Как хотелось мне крикнуть – останься.
Ты останься со мной до утра.

Мы бы жарко с тобой целовались.
Безрассудные лили б слова.
Мы бы жарко с тобой миловались.
И сгорали бы в счастье стыда.

Но не смела я крикнуть – останься.
Криком громким село разбудить.
Не хотела я мамы стесняться.
И до свадьбы с тобою грешить.

Я лежала в постели девичьей.
Я сгорала от страсти одна.
Вспоминала, мой милый, калитку,
Что разлучницей была нам всегда.

Ах, калитка, моя ты калитка.
Ты надёжная всё же граница.
Спи спокойно мамуля моя.
Я до свадьбы не буду грешна.

Ах, какой коварный

В розовом тумане,
Я плыла.
Сердце моё пело,
Влюблена была.
Целовал так вкусно,
Милый мой, родной.
Вся я обмирала,
Он держал рукой.
Но уже неделю,
Милого всё нет.
Сердце исстрадалось,
Ждёт, когда придёт.
Не придёт, мой милый,
Он уже с другой.
Ах, какой коварный,
Изменщик дорогой.
В розовом тумане,
Больше не хожу.
С 1-го апреля,
Подлеца-изменщика,
Больше не люблю.

Шубка

Обниму тебя я, киска.
Шубку мягкую сорву.
И бокал шампани жгучей.
В ротик аленький волью.
Обнимая и лаская,
Буду думать об одном,
Чтоб ты, пьяная дурёха,
Отошла бы в сон скорей.
А когда в угаре пьяном,
Ты заснёшь, моя любовь,
Я на память твою шубку,
Унесу к себе домой.
И лежа под шубкой тёплой,
Вспоминая всю тебя,
Я дождусь утра апреля,
Как подарка для себя.

Я твоя, твоя синичка

Что грустишь, моя голуба,
Серой птичкою в окне.
Я дарю тебе отрада,
Лучик солнца на стекле.

«Ах, уйди же ты, постылый,
Надоел давно ты мне.
Не тебя я дожидаюсь,
И не засти свет ты мне».

Что ты, птичка-невеличка,
Не придёт любимый твой.
Не по-нраву ему птичка,
К милой он ушёл другой.

Ты взгляни, взгляни получше,
Нет тебе меня верней.
И поверь, моя ты птичка,
Я люблю тебя сильнее.

«Говоришь, меня не любит,
Говоришь, к другой ушёл,
Говоришь, меня ты любишь,
Говоришь, давно влюблён.

Ты кому брехню наводишь,
Ты кому так нагло врёшь.
Милку кто вчера голубил,
С Милкой кто вчера ушёл».

Ты расплакалась, голуба,
Птичка – любая моя.
С Милкой я дружу открыто,
Для того, чтоб злить тебя.

Лишь одну тебя, люблю я,
Лишь одну тебя, хочу,
И сегодня, моя птичка,
Замуж я тебя зову.

Ты решайся, моя птичка,
Я твоя, твоя синичка,
Журавель тот в небесах,
Я же здесь, в твоих руках.

В тот мир, что сразу нам готов

Уже не манят больше дали.
Уже спокойна вся душа.
Уже оплыли жиром стати.
И не зовёт в поход труба.
Пора готовиться к отходу,
В тот мир, что сразу нам готов.
Мы здесь случайные, в залёте,
В могиле мы найдём покой.
Там тело враз избавится от жира,
Костям там мясо не нужно.
Вверху останется в смятении,
Одна озябшая душа.
И будут долго в доме прежнем,
Её метания слышны,
Но срок придёт,
Умчит она в далёкие миры.
И там вольётся в сонм таких же,
Кто потерял за жизнь нажитые жиры.

В жизни начало, начало конца

Где в жизни начало,
Где в жизни конец.

Во чреве – младенец,
В могиле – мертвец.

Тёмное чрево – начало пути.
Тёмную яму – занять не спеши.

Жизни начало – радость познания.
Жизни конец – терновый венец.

Важно начало и важен конец.
С чем ты приходишь и с чем ты уйдёшь.

Конец – есть начало загробной той жизни,
В которой придётся всем нам очутиться.

В жизни начало, начало конца.
Радуйся жизни, что богом дана.

Жизни начало – родная земля.
Жизни конец – холма венец.

У начала – жизни земля.

У конца – она же, она.

Любовь моя ещё жива

В полёте сладостной мечты,
Мгновенья жизни пролетают.
И мы очнувшись, как от сна,
С небес на землю тут слетаем.

Любовь моя ещё жива.
Она по прежнему крепка.
Я помню, помню ту Весну,
И лишь одною ей живу.

Зарядом снежным Мурманск дышит.
Зима – Весне грозит ещё.
Я исчезаю в мир далёкий,
Полётом сладостной мечты.

В твои объятия улетаю.
В твоих чертах любовь найду.
И долгим сладким поцелуем,
Я буду славить ту Весну.

Мгновенья жизни пролетают,
Секундной стрелкой на часах.
А в этой жизни остаются,
Морщинкой тонкой на щеках.

Любовь моя ещё жива.
Она по прежнему крепка.
Я помню, помню ту Весну,
Я лишь одною ей живу.

Пустозвонки – все девчонки...

Грозовая тучка наземь пала,
Проливным дождём.
Заблестала-заиграла,
Радуга – мостом.

Я в тепле родного дома,
Я люблюсь той,
Что спасаясь от дождя,
Встала у окна.

На носу её слезинки,
Тучки грозовой,
А в ушах её подарки,
Бабушки родной.

Пустозвонки – все девчонки,
Были для меня.
Но сегодня я люблюсь,
Девочкой дождя.

А соловьи так мило пели

Любила Вас, в душе страдая.
Любила Вас и только Вас.
А Вы с другою целовались,
Она милей была для Вас.

А я страдала и страдала.
Подушку ночью я рвала,
Когда себя я представляла,
Как Вы целуете меня.

А соловьи так мило пели,
В моей ночи глухой тоски,
А на рассвете утомлялись,
Ведь годы шли, мои всё шли.

И вот устала ждать тебя я.
И в омут жизни с головой.
И как гуляла, как гуляла... пока,
Вдруг вновь не встретила с тобой.

И вот опять в ночи страдаю,
И мой полночный соловей,
Единственный мне друг желанный,
И ТЫ, который не со мной.

Но день придёт...

Ты, мать моих детей.
Но нет любви меж нами.
Вернее лишь с одной,
Моей же стороны.
Превратности судьбы,
Меня к другой толкают,
И сердцу без любви,
Жалеть тебя трудней.
Пока из-за детей,
Тебя я не бросаю,
Но день придёт,
Предательство за мной.

Цикады, цикады – вы всё же не арфы

Над городом южным,
Ночь опустилась.
Цикады запели, мы были одни.
Под берегом чайки,
Лениво плескались,
Мы были в томленьи,
Полны мы любви.

Цикады, цикады – ночные певуны.
Цикады, цикады – оркестр вы любви.
Цикады, цикады – вы всё же не арфы.
Цикады, цикады – ночные жучки.

Море спокойно,
Луна как монета,
Где-то сверкают в море огни.
Что-то ты шепчешь,
Моя дорогая,
Нам хорошо,
Мы в неге любви.

Утренней зорькой,
Окрасилось небо.

Цикады умолкли,
Устали и мы.
До следующей ночи, моя дорогая,
До следующей ночи,
Сладкой любви.

Цикады, цикады – ночные певуны.
Цикады, цикады – оркестр вы любви.
Цикады, цикады – вы всё же не арфы.
Цикады, цикады – ночные жучки.

Он просто предал меня

Встреча последняя, встреча прощальная,
Он уходил от меня.
Встреча последняя, встреча прощальная,
Слёзы туманят глаза.

Ветка жасмина скользнула из рук,
Он уходил от меня.
Сердце сжимала тяжкая грусть,
Он уходил навсегда.

Что же случилось, что приключилось,
Он уходил от меня.
Что же случилось, что приключилось,
Он уходил не любя.

Может не правда, может всё кривда,
Он уходил от меня.
Может не правда, может всё кривда,
Он не бросает меня?

Встреча последняя, встреча прощальная,
Он уходил от меня.
Встреча последняя, встреча прощальная,
Он просто предал меня.

Ты целуешь, обнимаешь всё меня...

Нам осталось, нам осталось полчаса,
А потом, моя родная, мне идти пора.
Видишь зорька загорелась там вдали,
Значит скоро, значит скоро мне уйти.

Ты не плачь, моя родная, ты не плачь.
Я приду к тебе, родная, в ночь опять.
Снова будем миловаться до утра,
И прощаться снова будем, как всегда.

Ты не плачешь моя ягодка-звезда.
Дай слезинку вытру я тогда.
Дай мне глазки снова целовать,
Обнимать тебя, родная, и ласкать.

Вот уж солнышко поярче зацвело.
Ох торопит, ох торопит – зло оно.
Ухожу, родная, ухожу,
Забирая лишь с собой твою красу.

Ты целуешь, обнимаешь всё меня.
Крепко держишь, крепко держишь – вся дрожа.
Знать судьба у нас с тобою всё ж одна,

Так держи, держи меня всегда.

Смутное время России...

Тёмные ночи России,
В смутное время страшны.
Бунт, беспощадно-кровавый,
Страхом питают они.

Смутное время России,
Страшные ночи её,
Власть беспредела гуляет,
Что же опасней ещё.

Тёмное время России,
Полная чаша бед.
Стонет под игом раздора,
Русский простой народ.

Кто-то крадётся с топориком,
За жертвой спешащей в ночи.
Кому-то не страшен и ножичек,
Блеснувший в свете луны.

Смутное время России,
С кровью и страхом уйдёт.
Смутное время России,
Карой от бога слывёт.

Жизнь, что и кровушка...

Гроздь рябины в окна глядят.
Красные бусинки словно кричат,
Жизнь, что и кровушка,
Быстро бежит,
Чуть оплошаешь,
Она убежит.
Будешь ты трупом хладным смердеть,
Дух твой бесплотный где-то лететь.
Жизнь ведь не благо,
Но и не зло.
Чем ты наполнишь,
Тем будет полно.
Так что на свете пока ты живёшь,
Думай что делать – Добро или Зло.

Смотрю на окна мокрые...

Печаль мне навевают,
Осенние дожди.
С тоской смотрю я в окна,
Мне некуда идти.
Наверно, это слёзы,
Того, кто в небесах,
От горя ведь он плачет,
Смотря с небес на нас.
Ну что творят не ведают,
Людишки на Земле,
Ведь их когда-то сделал,
На горе он себе.
Религий напридумали,
Жить в мире не хотят,
Порой от жира боятся,
Оружием грозят.
Пока струёю дождика,
Порою им грозит,
Но ведь не понимают,
Им нравится так жить.
А может рассердиться,
Потопом приструнить?
Но это уже было,
Из рая изгонял,

Затем потопом страшным,
До смерти напугал.
Они же всё за старое:
Гоморра и Содом.
И башню Вавилона?
Зачем, зачем, зачем.
Пока великий боже,
Не знает как тут быть,
Он будет слёзы длинные,
На Землю так же лить.
Смотрю на окна мокрые,
Мне некуда идти,
Но чем-то всё же нравятся,
Мне длинные дожди.

Ревность

Зацвела розалия,
На моём окне.
Распустилась веером,
В вязкой тишине.

И грустинка слабою,
Потекла слезой,
И кровавой розой,
Вспомнилась любовь.

Та любовь красивую,
Мукою была.
Та любовь сгубила,
Добра-молодца.

Погубил он девицу,
Пьяною рукой.
С ревностью дичайшей,
Он всадил ей нож.

Та ушла невинною,
В мир иной – другой.
Он же за решёткой,
На один с судьбой.

Зацвела розалия,
На моём окне.
И слезинка-льдинка,
Стынет в тишине.

Любить, страдать и просто жить

Я не хочу рабом быть божьим.
Я не хочу любимым им быть.
Я не хочу бездумно верить,
В того, кто говорят, меня и сотворил.

Я знаю маму, знаю папу,
Я точно знаю – я их дитя.
Я их люблю и им я верю,
Они мои – моя семья.

Мне все твердят – поверь в него ты,
И он грехи твои простит,
И в той загробной дальней жизни,
Он райской кущей наградит.

Я не хочу той райской кущи.
Здесь сад хочу я посадить.
И на Земле свой дом построить.
Детей растить и их любить.

Я не хочу рабом быть божьим.
Я не хочу любимым им быть.
Хочу быть просто человеком,
Любить, страдать и просто жить.

Я вас люблю, вас – грешники мои

Луна на море
Красотой блистала,
Серебряной монетой,
Ушедших в прах времён.
Они на лике лунном
След оставив,
Как будто говорят,
Во грехе мы живём.
Луна, когда-то,
Для Адама с Евой,
Была родимым домом,
До Земли.
Когда же люди
На неё спустились,
Луна вся поседела от тоски.
И седина
Серебряною стала,
И для влюблённых,
На Земле,
В выси сверкая,
Луна им говорит,
Я вас люблю,
Вас – грешники мои.

Страсти-мордасти, что же ещё...

В мире бушующем,
Страсти-мордасти,
Как в казино.
Кто-то волнуется,
Кто-то рисуется,
Кому-то давно всё равно.
Кто-то ставит последний грош.
Кто-то снимает куш.
Кто-то пускает пулю в лоб.
Кто-то смакует пунш.
Кто-то шестёркой бьёт туза.
Кто-то уносит ноги.
Кто-то берёт всегда «хабаря».
Кто-то платит налоги.
Кто-то верит в того, кто вверху.
Кто-то в того, что внизу.
Кто-то верит, что будет в раю.
Кто-то, что будет в аду.
Кто-то уже отлюбил своё.
Кто-то любить только начал.
Кто-то в могиле одной ногой.
Кто-то лишь только зачат.
В мире бушующем,
Страсти-мордасти,

Как в казино.
Страсти-мордасти,
Страсти-мордасти,
Что же ещё...

И сердце рвал...

О, Клайпеда, красавица Литвы,
Ты, русский мой язык,
Не позабыла,
И через 20 лет, спустя,
Приветливо встречаешь,
Моряка России.
Мой пароход опять стоит,
Здесь в длительном ремонте,
И снова я по Клайпеде брожу,
И постаревшей,
Капелькой-слезинкой,
Я вспоминаю молодость свою.
Я «оккупантом» был,
Кафе и ресторанов.
По Клайпеде,
С литовочкой бродил.
И жарко, страстно,
С нею целовался,
И сердце рвал —
Я в море уходил.
И вновь брожу и вновь мечтаю,
Увидеть ту, что потерял,
И вместе с нею любоваться,
Клайпедой, звёздочкой Литвы.

Только мне не верится

Не шуми ты, не стучи,
Белая акация.
Заблудился я в лесу,
В сердце тьма ужасная.

Липа вся стоит в цвету,
Пчёлки вокруг кружатся.
Так кого же я люблю,
Почему волнуюсь.

Сердце рвётся на куски,
Рвётся-вырывается.
Все берёзки хороши,
Ну куды ты денешься.

Ель с сосной так зелены,
Ну не на любишься.
Я прижаться к ним хочу,
Но уж больно колются.

Да не шуми ты, не стучи,
Белая акация.
Я тебя одну люблю,
Только мне не верится.

Всё зло в богатых

Когда богатые дуреют от богатства,
Моча им ударяет в мозг.
И в их мозги разжиженного счастья,
Дурные мысли начинают лезть.
Тогда они как волки,
Сбиваются все в стаю.
Клыкастого и сильного,
Находят жоака.
И он ведёт всю стаю,
Алкающую свору,
Испробовать на вкус,
Чужого пирога.
И горе тем,
Кто слаб и беззащитен,
Удел один – под зубы волков лечь,
А те, дурные от дешёвой крови,
Всё будут резать, бить и жечь.
Но как всегда,
Найдётся та дубина,
Когда один за всех,
И все за одного.
Тогда со сладкой мукой отомщенья,
Считают зубы, рёбра у волков.
Всё зло в богатых,

Что дуреют от богатства.

И в провокаторах,

Желающих чужоё поделить добро.

Скелет в шкафу

У каждого из нас, в шкафу,
Имеется скелет в наборе.
Особенно на склоне наших лет.
Грехи – они и есть – скелет наш,
Собранный по жизни.
И состоит, скелет, из мелких,
И больших грехов.
Костяк его лежит в душе,
Которая по смерти,
Скелет из шкафа унесёт,
Оставив шкаф на месте.
Но свято место пусто не бывает.
Наследник свой скелет,
По жизни собирает.
И сей скелет,
Не виден никому,
А только лишь тому,
Кто душу забирает.
Порой бывает пляска,
Нужна нам со скелетом.
Одним она на радость,
Другим она в печаль.
Но пляска со скелетом,
Нужна, поверьте, всем.

Порой бывает трудно,
Дверь шкафа отворить.
И хочется так верить,
В шкафу скелета нет.
УВЫ!

Грехи по жизни с рожденья набираем.
И главный грех – зачатие в грехе.
Поэтому живите,
Живите и грешите,
А разбирать скелет,
Доверьте тем – вверху.

С тобой хочу я целоваться

Ах, что-то милый разоспался.
Уж больно рано спать ушёл.
А сколько мальчиков хороших,
Хотят пойти со мной в кино.

Пока ты, милый, сон увидишь,
С другим я посмотрю кино.
Другой в кино меня обнимет,
Другой сожмёт моё плечо.

С другим я буду обниматься,
С другим я буду целоваться,
С другим пойду гулять в лесу,
И до зари лежать в стогу.

Ну что-ты, милый, разоспался.
Вставай, пошли вдвоём в кино.
С другим я не хочу шептаться,
С другим в стогу быть не хочу.

С тобой хочу я целоваться,
С тобой хочу я обниматься,
С тобой сгорю, с тобой взлечу,
С тобой и... до греха дойду.

И здесь, в туманной дали...

Зачем, туманной далью,
Ты манишь всё меня.
Ужель, дорога дальняя,
Всё тянет так тебя.

Зачем, покой налаженный,
Разрушить ты хочешь.
Куда ты всё торопишься,
Куда ты всё спешишь.

Ты замки всё рисуешь,
И строишь на песке.
Пойми, пойми, мой милый,
Волной их смоем все.

Ты силой убеждения,
Потоком страстных слов,
Всё ломишь сопротивление,
Моих усталых снов.

И всё ж, туманной далью,
Увлёк, меня увлёк.
Как нитку за иглой,
Повлёк меня, повлёк.

И здесь, в туманной дали,
Построил замок ты.
И здесь, в туманной дали,
Сбылись твои мечты.

С верою в бога...

Войны религий – ужасные войны.
Войны религий – фанатизма полны.
Вера слепая абсурдом наполнена,
Вспомните ночи страшной резни.
Дети в крестовый поход были собраны,
Ко гробу господнему весело шли.
Дяди католики их направляли,
Дети туда не дошли.
Их мусульмане всех поубили,
Дяди вернулись живы.
Волны религий – страшные войны,
Всем не сносить головы.
Именем бога все прикрываются.
С именем бога правы лишь они.
Вот иудей у ребёнка из гоев,
Кровь отнимает для мацы своей.
Бей иудея-христосопродавца,
В бой православный за веру свою.
Если гяур на пророка тут лает,
Смело чужому голову режь.
Знамя пророка – знамя ислама,
К гуриям сладким ведёт.
Войны религий – страшные войны,
Войны религий – слепые они.

Знамя пророка, стяг иудея,
Чёрные сотни – хоругви Христа.
С верою в бога, с именем бога.
Можно творить ДЕМОКРАТИЮ ЗЛА.

Но будет время, я услышу...

Поверить в то, что я не вижу,
Поверить в то, что я не слышу,
Поверить в то, что нет вовсе,
Быть атеистом всё же мне.

Мне говорят, что не бывает
Огня без дыма никогда,
Но ведь в душе пожар пылает,
И дым на сердце, как тогда?

Знаменья были – я не видел,
Слепой наверно всё же я,
Там слух прошёл, а я не слышал,
Ужель медведь топтал меня.

Так и живу порой не слыша,
Что слышат все, но лишь не я.
Так и живу порой не видя,
Что видят все, но лишь не я.

Но будет время – я услышу.
Но будет время – я увижу,
Когда придут забрать меня,
Туда, где вера есть всегда.

Зелёные бананы Эквадора

Бананы созревают в Эквадоре.
И мы идём за ними в порт Гуаягиль.
И дня за два уж рефы трюм гоняют,
Чтоб «кулинг» был до плюс,
До плюс восьми.
И вот пришли,
Бананы нам подвозят.
Зелёные бананы хороши.
А за бортом вода давно за тридцать,
И тридцать два в их ласковой тени.
Бананы очень скоро погрузили.
И рефы тут включились вовсю.
Бананы нам зелёными грузили,
Зелёными их надо довести.
Везём бананы в Питер ровно три недели,
И вот уже вошли в родные льды.
И воздух за бортом давно не тридцать,
Вода подавно только-только три.
И тут ледовым караваном,
Цепочкой след во след идя,
Везём зелёные бананы Эквадора,
В прекрасно-славный град великого Петра.
Зелёные бананы Эквадора,
Нам кровь из носу надо довести,

А вам, мои родные россияне,
С морозца в дом,
Кусочки солнца Эквадора, занести.

И в улыбоське сияли...

Ты проснулась,
моя птичка, на заре.

Глазки синие открыла,
улыбнулась мне.

Потянулась,
покряхтела,
радость ты моя.

Ручки кверху протянула,
обними меня.

Я тебя к себе прижал,
солнышко моё,

И слезинку-золотинку,
всю отдал тебе.

Что-то губки мне шептали,
тёплые твои,

И в улыбоське сияли,
синие костры.

Я люблю тебя родная,
я люблю тебя,

Ты кровиночка родная,
доченька моя.

И вновь страдаю и ревную...

«Любви все возрасты покорны»,
Обычно в жизни говорят.
И я не думал – не гадал я,
Ко мне пришла любовь опять.

И вновь страдаю и ревную.
И сердце рву на части я.
Она же бабочкой порхает,
Мой мотылёк, любовь моя.

Я руку милой предлагаю,
Она в ответ смеётся вся.
«Ты лучше сердце подарил бы,
Тогда вся буду я твоя».

И я в смущеньи говорю ей:
Намного старше я тебя.
В огонь ты старости стремишься,
Подумай бабочка моя.

Она в ответ опять смеётся:
«Твоя седая голова,
Меня ни сколько не смущает,
Моя любовь к тебе крепка».

И в омут снова я бросаюсь,
Своей седую головой.
И безымянный окольцован,
Её судьбою молодой.

Счастья тебе...

Вот полюбил – полюбил безответно,
Ту, что не знает себя.
Ту, что как бабочка школьной косичкой,
Манит и манит меня.

Я не профессор с Лолитой прекрасной.
Воля сильнее моя.
Я лишь люблюсь нимфеткой-кокеткой,
Возраст – ограда, стена.

Муки мои лишь во мне остаются.
Ночи страданий тяжки.
Ей никогда не узнать тех желаний,
Что тихо сгорают в ночи.

Вот подрастает, вот уж и любит,
Мальчика классом выше себя.
Дай бог, что её он полюбит,
Счастья тебе – «Лолита» моя.

Ты был, но нет тебя...

Ты разлюбил меня.
Печаль моя безмерна.
И проклиная я себя,
За все свои сомненья.
Чего боялась,
Ведь с тобой была,
А те огрехи неуменья,
Ты лёгкой шуткой разрешал,
И не терял терпенья.
Как медленно,
День ото дня,
Ты отдавал себя,
Своё уменье,
А я боялась, не брала,
Чего ждала, чего ждала.
Меня к себе ты приручал,
Уча искать совместного решенья,
И находили мы его,
И веселились от души,
Какое было время.
Но вот твой интерес ко мне угас.
И я одна и вся в смятеньи.
Пытаюсь разобраться я в себе,
Найти решенье.

Ты был, но нет тебя.

Печаль моя безмерна.

Искать, искать подобного тебе,

Вот в этом нет сомненья.

Спи спокойно

Ты усни, моя берёзка, ты усни.
Без печали, без печали до весны.

Осень, с нудными дождями, ты проспи.
Зиму, с вьюгой, холодами, ты снеси.

А когда наступит время, ты проснись.
К солнцу – солнцу золотому потянись.

И оно в тебе разбудит силу сока молодого.
И напоишь ты любого даром солнца золотого.

А пока, моя берёзка, ты усни.
Спи спокойно, дочь лесная, до весны.

Берёзка

Хмурое небо наземь упало,
Нудным серым дождём.
Листья берёзки мелко дрожали,
Зябко под стылой водой.
Им бы солнца,
Лучик прелестный,
Что золотит,
А не дождик,
Такой противный,
Что тяготит.
Но в мире этом,
Всё быстро проходит,
Дождик утих.
Ветер лёгкий,
Листья щекочет,
Их веселит.
Тут и берёзка разом ожила,
К солнышку тянется в высь.
Та, виновато, лучик свой тёплый,
Катит ей вниз.

Ветер-проказник

Море вальяжною ленью полно,
Чайку с трудом принимает.
Солнечный зайчик
Прыгнет в волну,
Золотом море взиграет.
Ветер-проказник только к волне,
Как бы прильнёт ненароком,
Море не стерпит,
Грозным ворчаньем ответит.
Ветер, шутейно, друзей позовёт,
Море волной им засветит.
Вихри враждебные
Ветер наслёт,
Море от злости заплачет.

На ком поставлен знак вопроса?

Им не понять души порывы.
Им не понять полёт мечты.
Им не понять глобальности раздумий.
им не понять сердечной чистоты.

Их жизнь проходит без тревоги.
Их жизнь полна лишь суеты.
Их в жизни мелкое тревожит.
Их жизнь полна лишь пустоты.

Порой им в жизни достаётся,
Порыв души и взлёт мечты,
Но только особям отдельным,
Которым дан значок судьбы.

Им больше хлеба, больше зрелищ,
Конечно женщин и вина.
Тогда в порыве страсти бедной,
Немного стронутся сердца.

О ком ведётся речь такая,
О чём ведётся разговор,
На ком поставлен знак вопроса(?)
И кто они?

Да мы же – мы.

Уценил

Почему сегодня вспомнил я тебя.
Потому что в этой жизни первую была.

Почему на сердце камень всё лежит.
Потому что этот камень только ты.

Я давно уже с другой – не с тобой.
Ты не давно, и с другим – не со мной.

Но порой, как и сегодня, расцветаешь ты.
Больно ранят моё сердце все твои шипы.

Не ценил тебя я прежде – не ценил.
И по молодости глупой – уценил.

Ты сегодня сердце гложешь – розовый цветок.
И колючим шипом розы – бьёшь в висок.

Жизнь прошла?

Не спокойно море жизни,
Всё не так, не так.
Убежали дни молодые,
Слишком торопясь.

Оглянуться не успел,
На покой пора,
И за стопкою вина,
Понимаю – жизнь прошла.

Жизнь прошла слезинкой детской,
И тоской любви.
Жизнь прошла тропинкой росной,
И красой зари.

Трудовой морщинкой грозной,
Жизнь прошла.
Что же делать остаётся?
Жить, не ждать конца.

Где же ты, счастье...

Стон наслажденья, крик счастья любви.
Миг упоенья, покой всей души.

Счастье двоих не делить на троих.
Было б безумьем счастье троить.

В мире же всё происходит иначе.
Счастье приходит мигом удачи.

Слепенький случай, подножка судьбы,
Где же ты, счастье... приди же – приди.

Астры

Помню, помню астры, славные цветы,
Что красно оттеняли любимые черты.
Помню ту скамейку, в милом том саду,
Где астры расцветали в солнечном плену.
Чудно нам там было, очень хорошо,
Радостью сияло юное лицо.
Помню губы мягкие, во одно слились,
Время потеряли полные любви.
Молодость прекрасна, чувствами полна,
Скифскую монетой светила нам луна.
Помню, это было, было и прошло,
Прошло и пролетело давнее моё.
Астры, астры, астры – увядшие цветы,
Красно оттеняли ушедшие черты.
Ты уже далёко, я совсем один,
Как мне одиноко, ты меня дождись.

Только я помню

Как я любила, как я страдала,
Знала лишь только мама родная.
Сколько ночей отстрадала она,
Дочь утешая порой до утра.
Замуж я вышла, дочь родила,
Мама родная, как счастлива я.
Время спешило, мамы уж нет,
Дочь подрастает, покоя мне нет.
Вижу страдает голубка моя,
Значит любовь к ней тоже пришла.
Вижу счастливые дочки глаза,
Но не на долго, уж плачет она.
Вот и пришла для меня та пора,
Дочь утешать порой до утра.

...

Только я помню какой я была,
Мама родная, зачем ты ушла.

Всегда ты живой, молодой

В майские дни грозовые,
Мы повстречались с тобой.
Молоды были, веселы были,
Жизнь улыбалась кругом.

Тучи в июне упали,
Облаком тёмным беды,
Жертвами сразу все стали,
Чёрной проклятой войны.

Где ты погиб я не знаю,
Знаю погиб ты не зря.
В память тебе мне осталась,
Дочка – кровинка твоя.

Время идёт торопливо.
Вот уж и внучка твоя,
В майские дни грозовые,
Встретила счастье она.

В майские дни грозовые,
Всегда ты любимый со мной.
В майские дни грозовые,
Всегда ты живой молодой.

Живой, молодой и красивый.
Любимый ты мой и родной.
Я майскую ночь вспоминаю,
Тебя и себя молодой.

Скоро буду твой

Не тревожь меня родная,
Я ещё любим.
Правда сердце что-то гложет,
Чем-то я томим.

Я твоей косой люблюсь,
Не твоей красой,
Почему же я волнуюсь,
Уходя домой.

С каждым днём твой взгляд печальный,
Бьёт по мне сильнее.
Жалость сердце разрывает,
Ухожу скорей.

Может хватить этой муки,
Сердцу всё трудней,
Удержать вот эти руки,
Чтоб обнять быстрей.

Ты косой меня пленила,
А теперь красой.
Потерпи ещё родная,
Скоро буду твой.

Ушла любовь

Куда ушла моя любовь.
Сквозь пальцы просочились слёзы.
И первой седины висок.
И сердца болевой звонок.

Ночей и дней страдания были.
Но ночи, дни все те ушли.
Настали ночи слишком длинные.
Настали дни ещё длинней.

Душа спокойно-утомлённо,
Лишь вспоминает ту любовь.
А ведь металась и страдала,
И причиняла телу боль.

Порой душа слезу отпустит.
И та бежать, бежать скорей.
Куда бежишь души слезинка,
Ведь от себя не убежишь.

Душа родная, успокойся.
И отпусти слезу в песок.
На сердце рубчиком осталась,
Моя ушедшая любовь.

Сирены вы, сирены

Есть Клайпеда-красавица,
Бригита в ней живёт.
Для мужа вяжет свитер,
И ждёт его домой.

А муж в морях скитаясь,
Всё думает о ней.
И голос сладкий слышит:
«Вернись, вернись скорей».

Сирена ты, сирена,
Бригиточка-жена.
Сирена ты, сирена,
Литовочка моя.

Бригита с Пенелопой,
ВЫ верностью своей,
Так крепко привязали,
К себе своих мужей.

Сирены вы, сирены,
Две женские судьбы,
Сирены вы, сирены,
Два голоса любви.

Бригита – Пенелопа,
И Ёнас – Одиссей.
Он голос сладкий слышит,
Торопится домой.

А Клайпеда-красавица,
В Литве родимый дом.
Распущенный там свитер,
Бригита свяжет вновь.

Сирена ты, сирена,
Бригиточка-жена.
Сирена ты, сирена,
Литовочка моя.

И мы расставались...

Я помню те встречи,
Тайные встречи,
В полночном саду.
Как жадно искали,
Руки друг друга,
А губы шептали: люблю.
Как страстно звучали,
Шорохи ночи,
И воем – зуд комара.
Но мы лишь смеялись,
Молоды были,
И счастлив был мир,
Вокруг нас.
Но ночи кончались,
И мы расставались,
До следующей встречи,
В саду.
И снова смеялись,
И снова любились,
До утренней зорьки,
В миру.

...

Потом поженились,
И рядом мы были,

И с нами наш сад.

...

Сегодня как прежде,

С тобой мы встречались,

В полночном саду.

И снова руки искали друг друга,

А губы шептали: Люблю.

Что же тут осталось...

Осень запоздалая в темечко стучит,
Значит пора к зеркалу срочно поспешить.

Первые морщины, седина в висках,
И чёртику не хочется держать тебя в тисках.

И ещё как в песне – погляди в себя,
Что тебе осталось на закате дня.

Можно стать героем, можно стать изгоем,
Можно оставаться просто мордобоем.

Дети уже выросли, дом построен твой,
Но садов цветущих нету за тобой.

Что же тут осталось? – ты же не герой,
Значит остаётся? – быть самим собой.

Осень запоздалая в темечко стучит,
Зеркало туманное образ мой темнит.

Любил ли я?

Как часто я вопросом задавался:

Любил ли я?

Ответить было трудно,

Но знал одно,

Что было много тех мгновений,

Когда я думал что люблю.

Мне часто также говорили,

Что я любим.

Но почему тревога сердце мне сжимала,

И я от сердца уходил.

Но вот уж возраста черта,

Даёт понять,

Пришла пора ответить на вопрос:

Любил ли я?

...

Да!

Я любил!

Кого?!

Себя!

Водка русская, родная

Почему душа томится, почему?
Почему в глазах двоится, почему?

По тебе душа томится... по тебе.
От слезы в глазах двоится... от слезы.

Но ты горькою бываешь, почему?
По чему вдруг комом встанешь, почему?

Потому ты горькою бываешь, что слеза горька.
Потому вдруг комом встанешь, что крепка.

Водка русская, родная... хороша.
И бывая я рыдаю... от тебя.

Всё по жизни заливаю – ты прости меня.
Нет милее, нету краше... водки горькая судьба.

Я часто встречу вспоминаю...

Была одна лишь только встреча,
Как долго помнится она,
За тот прекрасный чудный вечер,
Что подарила нам тогда.

Рябины ветка на столе,
Печали капля слёзкой стынет,
Молчит потухшая свеча,
Мне уходить уже пора.

Потом в той жизни без тебя,
Я часто встречу вспоминаю,
И проклиная я себя,
Что не остался навсегда.

Боль утраты

Ты прошла «по краешку моей судьбы»
Тенью лишь слегка её коснувшись.
И живя далёко от меня,
Через песню всё ко мне стремишься.

Твой подарок после встречи давней,
Часто он тревожит сердце мне.
Музыкой подобранной прекрасно,
Ты зовёшь, зовёшь меня к себе.

Я не знаю что меня тревожит.
Может грех тот давний или что ещё.
Но одно я знаю, что прекрасной,
Была встреча та моя с тобой.

Ветка ягодной рябины,
Что была подарена тебе,
Часто стала и в моей квартире,
Лучшим украшеньем на столе.

И смотря на ягоду рябины,
Вспоминаю губы я твои.
И слезой тоскливой умываю,
Я твои «прозрачные следы».

Боль утраты так давно забытой,
Всколыхнулась песнею во мне.
И возможно с веткою рябины,
Я приду, приду опять к тебе.

Но не долго и я оставалась одной

Уходил от меня – мой родной, дорогой.
И в последний раз танцевали мы с ним.
Он шутил, обнимал, всю к себе прижимал,
Но ведь знала уже, что давно он с другой.
Но отдать навсегда не могла, всё надеясь на что?

Разбежались мы с ним.
Он с другой, молодой.
Но не долго и я оставалась одна.
И со мной есть другой,
Молодой, дорогой.
Но танцуя и с ним всё же помнила я,
Что со мной танцевал,
И другой мне родной.

И танцуя сейчас я гоню эту мысль,
Понимаю всё ж я – он уйдёт от меня,
Этот мой молодой, этот мой дорогой.
И задача моя, чтоб подольше был мой.
И шутя и смеясь, обнимая его, прижимая к себе,
Понимаю и то, что танцую одна.

Две Надежды

Южной ночью звёзды светят ярко,
Но блестит одна из них сильней,
Та звезда – звезда моей НАДЕЖДЫ,
Дотянуться всё хочу я к ней.
И живу одной лишь я НАДЕЖДОЙ,
Что достану я её рукой,
И прижму к себе свою НАДЕЖДУ,
И пойду по жизни только с ней.
А звезда то вспыхнет, то погаснет,
И как будто словно говорит,
Не тянись ко мне в своей НАДЕЖДЕ,
А вокруг себя ты оглянись.
Может ходит рядом та – НАДЕЖДА,
С кой по жизни суждено пойти,
Посмотри внимательно – с НАДЕЖДОЙ,
И найдя её на ней же и женись.
Ну а я, твоя звезда – НАДЕЖДА,
Буду всем с НАДЕЖДОЮ светить,
А твоей я Наденьке-НАДЕЖДЕ,
Я желаю в счастья прожить.

...

Южной ночью звёзды светят ярко,
Но блестит одна из них сильней.
Та звезда для нас двоих с НАДЕЖДОЙ,

Та звезда для нас двоих горит.

Белый танец

Моя жена, мой друг любезный,
Налей вина себе и мне.
Сегодня вспомним танец белый,
Свиданье наше при луне.
Ты помнишь – в Сочи повстречались,
Пошли на танцы вместе мы,
И в белом танце ты сказала,
Что первый взгляд и любишь ты.
С тобой мы дивно целовались,
Светила нам тогда луна,
Затем мы долго любовались,
Фонтаном цвета и огня.
С тех пор по жизни мы шагаем,
С тобою вместе, как тогда,
Когда мы в Сочи повстречались,
И белый танец наш всегда.
Моя жена, мой друг любезный,
Налей вина себе и мне.
И объяви ка танец белый,
И в нём скажи, что любишь ты.

Завтра будет трудно...

Как в душе я плачу – дочь моя.
Как в душе рыдаю, глядя на тебя.
Ведь сегодня праздник – бал твой выпускной,
Ты смеёшься весело, не грустишь со мной.
Почему рыдаю, почему грущу,
Просто понимаю, что уходишь ты.
Я в душе рыдаю, я в душе кричу,
Но тебя слезою я не огорчу.
Для тебя здесь праздник – бал твой выпускной.
В жизни настоящей праздники трудней.
Веселись сегодня – девочка моя.
Завтра будет трудно начинать с нуля.

Не спеши расти

Ясными глазами смотришь ты на мир.
В детстве огорчения... малая есть жизнь.
Но настанет время взрослым станешь ты.
С явью ты столкнёшься, в ней как раз и смысл.

Мир природой красен, не всегда людьми.
С ними ты схлестнёшься, только подрасти.
Много будет подлости, много и добра.
Но запомни маленький – жизнь всё же хороша.

Хороша закатами и рассветом дня,
Лаской и заботами – матери, отца.
Школою, учёбою, дружбой навсегда,
Первым поцелуем, криком первенца.

От людей зависит, кем войдёшь ты в мир.
Будешь ли хорошим, будешь ли плохим,
Что-то ты отринешь, что-то примешь ты,
Только мой хороший не спеши расти.

Как тебе живётся...

На какой ты звёздочке,
Мамочка моя.
Как тебе живётся,
В небеса уйдя.
На Земле не сладкой
Жизнь твоя была.
Войны да пожары,
Вся твоя судьба.
И ушла ты рано,
Многих смерть приняв.
Деток ты оставила,
Ангелом им став.
Ангелом-хранителем,
Стала в небесах,
Для детей оставленных,
Божья мать.
На какой ты звёздочке,
Мамочка моя.
За тебя любимая,
Я молюсь всегда.

Шторм... боль

Шторм!

В этом коротком слове,
Только одно – Боль.

Где-то поломаны устройства кораблей.
Где-то злая волна полнит страхом глаза.
Где-то ветра вой: ты же в бессилии взвой.
Где-то носом на волну рыбацкие суда,
В них экипажи бога моля,
Крюют матом проклятые небеса.

Шторм!

В этом коротком слове,
Только одно – Боль.

Птичья любовь

Меж снохой и зятьком,
Пробежала искра.
И зажглась их любовь,
Словно в небе звезда.
В деревнях их любовь,
Просто птичьей зовут.
Потому что она,
Никому не вредна.
И болтают ещё,
Что кума не кума,
Коль под кумом ни раз ни была.
Так играет народ,
В эту птичью любовь.
И от этой любви,
Только шалость одна.
И во всём простота,
Не светла, не ярка,
Всему миру видна,
Как полёт воробья.

Ожидание

Не звонит Одесса, не звонит Америка,
И Брест очень долго молчит.
Не нужен им больше, стали большие,
И можно отца позабыть.
Обид ведь у них накопилось не мало.
И с этим отец согласись.
Они получили ласки так мало,
Легко им тебя и забыть.
Что в оправдание скажешь родимый?
Нет оправданья и с этим смирись.
Им ведь не знать как душа тосковала,
Как в море болела она.
Если бы знали как их любили,
Если бы знали... простили б они.

Я люблюсь той...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.